

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Петер Нойман

ЧЕРНЫЙ МАРШ

ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА СС

1938–1945

Петер Нойман
Черный марш. Воспоминания
офицера СС. 1938-1945
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958740

Черный марш. Воспоминания офицера СС. 1938–1945: Центрполиграф; М.; 2012

ISBN 978-5-9524-5063-9

Аннотация

Шокирующий рассказ Петера Ноймана, бывшего офицера СС, – типичный образец истории о том, как молодой человек из скромной немецкой семьи, оболваненный гитлеровской пропагандой, становится убежденным нацистом. С оружием в руках новоиспеченный офицер СС уверенно зашагал по чужой земле с целью восстановить «справедливость» в отношении великого немецкого народа! С чудовищной откровенностью он описывает, как войска СС грабили население, проводили карательные операции, допросы и казни партизан, убийства мирных жителей. Уверенный в своей правоте, Нойман возмущается решимостью «проклятых» русских отвоевать свою землю и их нежеланием служить рейху. А когда Германия проиграла войну, Петер Нойман, так и не осознав преступности своего пути, сожалеет только об одном – что его не убили.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Петер Нойман

Черный марш. Воспоминания офицера СС. 1938–1945

Часть первая РАССВЕТ

Глава 1 Я ПРИСЯГАЮ...

Был чудный день, который я никогда не забуду.

Шесть сотен парней 27-го гитлеровского молодежного отряда города Виттенберге собрались в Хафельском лесу и выстроились в каре.

Отделения Клауса Ранке и Георга Бетевски построились по обеим сторонам просеки. Местная группа Людвиг Зомстера, которой предстояло принять присягу, расположилась на ее дальнем конце, откуда начиналась лесная дорога.

Повсюду слышался глухой гул ожидания и нетерпения. Здесь собрались посланцы со всего Бранденбурга. Кажется, даже из Берлина, хотя он находился более чем в сотне километров от Виттенберге.

В сотне метров перед нами стоит высокая трибуна, ошестинившаяся микрофонами и региональными флагами гитлерюгенда. К земле величественно свешивается огромный флаг с черной свастикой в белом круге на красном фоне, покрывая всю переднюю часть подиума.

Мы ждем Ши́ра (прозвище Бальдура фон Ши́раха, рейхсминистра и главы гитлерюгенда) с начала полудня. Он прибывает из Берлина специально для того, чтобы выступить перед нами. Никто не сомневается, что существует прямая связь между появлением представителя фюрера в Хафельском лесу и маршем на Вену, неизбежность которого предрекают все прусские и бранденбургские газеты.

Австрийский канцлер Курт фон Шушниг давно уже вознамерился определить при помощи плебисцита настроения австрийцев в пользу или против Германии. Но позавчера, 11 марта 1938 года, венское правительство получило ультиматум с требованием немедленно отменить этот фарс.

Пока никто не знает, каким будет ответ Шушнига.

Внезапно раздается рев толпы.

Вслед за эскортом мотоциклистов в черных защитных шлемах в конце просеки появляется везущий Ши́ра серый «Опель-капитан» с золотистым флажком. Рейхсминистр, стоя в пассажирском отсеке машины с вытяжным верхом, улыбается и помахивает рукой. Другой рукой он держится за стеклянную перегородку. Ши́р выглядит удивительно молодым и лучезарным.

Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви высоких сосен, играют некоторое время на полированной поверхности автомобиля, который замедляет ход и останавливается рядом с трибуной.

Фон Ши́рах проворно выходит из «Опеля», проходит несколько метров, быстро взбирается по деревянным ступенькам, поправляет один из микрофонов и поворачивается к нам лицом.

– Хайль Гитлер! Друзья, у меня для вас важные новости. Отныне Третий рейх приобретает семь новых провинций.

Буря аплодисментов встречает слова Шира, который заставляет ее умолкнуть взмахом руки.

– Вчера, 12 марта, Форарльберг, Тироль, Зальцбург и восточные территории вернулись в лоно великой Германской конфедерации! Зейс-Инкварт, рейхсминистр, занял место бывшего австрийского канцлера.

Сомкнутые ряды толпы вновь разражаются продолжительной овацией.

– Друзья, – продолжает Шир, вновь выставляя обе руки для сдерживания аплодисментов, – не будем забывать, что эта победа выбивает первое звено цепи – цепи, выкованной диктатором Версальского договора и призванной поработить нас!

Буря ликования приветствует эти слова.

Энтузиазм толпы бьет через край. Я чувствую необыкновенное возбуждение. Речь Шира туманит голову. Пальцы непроизвольно сжимают новый кинжал, только что выданный мне. Они лихорадочно ощупывают надпись готическим шрифтом, выгравированную на рукоятке: *Treue bis auf dem Tod* («Преданный до смерти»). Лезвие острое как бритва, но в данный момент я мог бы без колебаний обхватить его ладонью. Тогда бы первая капля крови, обогрившая чистую сталь, была бы моей собственной кровью.

Бальдур фон Ширах продолжает говорить. В адресованной нам продолжительной речи он затрагивает расовую проблему, и прежде всего в вопросах, касающихся немцев.

– Все вы, – говорит он, – представляете Германию на марше, являетесь символом нашего будущего, прочным фундаментом, на котором будет покоиться судьба Третьего рейха Великой Германии. В основе тотальной реорганизации нации лежат глубоко укоренившиеся и мощные мотивы. Вспомните, что Земля находится в состоянии вечной эволюции. На наших глазах происходят биологические и психологические метаморфозы в человеке. Они прямо влияют на еще не родившиеся поколения.

Шир делает паузу. Когда возобновляет речь, то чеканит каждое слово.

– Мы, немцы, не готовы подвергаться таким мутациям, подобно низшим животным, подобно бессловесному скоту. Наоборот, мы должны контролировать и определять такие перемены. Должны способствовать им. Мы должны достичь статуса самого совершенного человеческого существа – сверхчеловека! – опередив другие народы и расы, находящиеся в состоянии упадка или даже полной деградации.

Рейхсминистр медленно формулирует каждую фразу, в то время как лес погрузился в глубокую тишину.

– Достижение этой цели, – заключает он, – достижение победы, полной победы, которая вознаградит нас за жертвы, является императивом, противиться которому на нашем пути нельзя позволить никому и ничему. Одна из наших первоочередных целей состоит в достижении всеми силами ментальной и физической чистоты германского народа. Вы, молодежь, – будущая элита нашей расы. Важно, чтобы вы берегли ваши тела, вашу кровь, ваши мышцы, а ваши умы должны особенно тщательно избегать порочающих контактов! Так чтобы однажды вы смогли предложить себя своему Отечеству чистыми и незапятнанными. Задача наших воспитателей заключается в том, чтобы сделать вас правителями завтрашней Европы. Вы должны сохранять в сердце верность миссии, которую доверяет вам наш фюрер, – беспрекословно соблюдать дисциплину и выполнять приказы, какими бы они ни были. Хайль Гитлер!

Последовал громоподобный взрыв горячего энтузиазма, оглушающий и непрерывный.

Шир улыбается, помахивает рукой, затем поворачивается к группе официальных лиц, стоящих позади него. Словно повинуясь какому-то импульсу, он неожиданно сбегает по ступенькам с трибуны.

Хотя это не предусмотрено программой мероприятия, он направляется в нашу сторону и начинает инспектировать нас. Во время прохода между рядами у него для каждого находится ободряющее слово. Он расспрашивает гефолгшафтфюрера¹ о его спортивных успехах или дружески треплет щеку какого-нибудь парнишки, который становится от смущения пунцово-красным. Мы преисполнены гордости и счастья.

Час спустя начинается церемония посвящения новичков в члены гитлерюгенда.

По резкому свистку шесть шарфюреров (Scharführer) местной группы Зомстера выступают вперед и образуют полукруг у подножия трибуны.

Затем от фланговых формирований отделяются по шесть знаменосцев и движутся в направлении парней из группы Зомстера. Когда они становятся лицом к лицу, резкая команда приводит их в стойку «смирно».

Берлми, дирижер оркестра, подает знак.

Волнующая, величественная и раскатистая мелодия песни о Хорсте Весселе сопровождает медленное склонение знамен.

Посерьезневший Шир, глядя прямо перед собой, произносит соответственные слова клятвы.

Все шарфюреры, положив указательный и средний пальцы на древка знамен, повторяют за ним:

– Клянётесь ли вы в том, что, подобно своим предкам, рыцарям священной Германской империи, будете всегда помогать другим немцам, которые являются вашими братьями? Будете ли вы бесстрашно защищать женщин и детей? Готовы ли помогать другим в беде? Готовы ли целиком посвятить себя идеям немецкого дела?

– Клянемся!

Рев голосов заполняет просеку, несется ввысь среди темных сосен, заглушая птичий щебет и жужжание насекомых. Клятва хранить верность четыре года несется эхом от дерева к дереву, от долины к долине, постепенно затихая на берегах текущей вдали реки Хафель.

– Клянётесь ли вы в любых условиях и даже при угрозе смерти сохранять верность клятве, которую дали своим руководителям, стране и фюреру – канцлеру Адольфу Гитлеру?

– Клянемся!

Берлми снова поворачивается к оркестру.

Начинают играть трубы, саксофоны и флейты, бить барабаны. Они исполняют волнующую песню *Deutsch mein Bruder* («Немец мой брат»), за которой следует мощная, торжественная мелодия *Deutschland über alles* («Германия превыше всего»).

Длинная трель свистка, и все закончено...

Шир снова салютует, подняв правую руку в приветствии. Он быстро спускается по ступенькам с трибуны и садится в «Опель-капитан». Почти одновременно машина трогается с места.

Толпа уже рассеялась. Она необычно молчалива.

Некоторое время мы не можем говорить, стараясь сохранить в памяти все, что происходило, подобно фотоизображению в объективе.

Лишь когда Ранке начинает орать как сумасшедший, мы покидаем ряды.

Мне кажется в этот момент, что Ранке совершил святотатство, что он разбил прекрасную и вечную мечту, мечту, которая вознесла нас под мелодии труб и звон литавр к вершинам славных подвигов, совершенных отцами и дедами на Марне (в 1914 и 1918 гг. – *Ред.*) и под Седаном. (В 1870 г., где капитулировала французская Шалонская армия Мак-Магона вместе

¹ Gefolgschaftführer – командир дружины. Относительно этого и других званий, принятых в нацистской молодежной организации и рядах СС, см. приложение. – *Примеч. ред.*

с императором Наполеоном III. – *Ред.*) Мечту, которая позволила нам увидеть собственными глазами героическую атаку «уланов смерти», несущихся на врага с пиками наперевес.

Стиснув зубы и сжав пальцами кинжал, я повторяю слова надписи, выгравированной на рукоятке:

– *Treue bis auf dem Tod* (Преданный до смерти).

Именно это первое значительное событие в моей взрослой жизни подсказывает мне мысль о ведении дневника.

Вначале я хотел написать в форзаце тетради прекрасным готическим шрифтом «Журнал записей молодого немца о своей эпохе». Поразмыслив, решил, что это слишком претенциозно. Поэтому отказался от какого-либо заголовка.

Большинство курсантов школы Шиллера вели подробные записи всех своих мыслей и поступков. До сих пор я считал это смехотворным занятием или, в лучшем случае, пустой тратой времени.

Но затем изменил свое мнение.

Возвратившись воскресным вечером домой из Хафельского леса, я рассказал отцу о своем намерении. Отец рассмеялся и явно счел меня глупым юнцом. Он ничего не понял и в своем возрасте вряд ли был способен повысить свои интеллектуальные способности...

Отец всегда был чем-то недоволен, сварлив и озлоблен. Возможно, потому, что с возрастом понял: в основном его жизнь не удалась.

Мой дед был почтальоном, и, поскольку имел четырех детей, отцу не было позволено завершить образование. У него было нелегкое детство с начальным образованием и чередой скучных малооплачиваемых работ. Жалкая карьера, тоскливая жизнь, гнусное существование.

Его беспокоила лишь одна мысль: кто завтра будет кондуктором на пассажирских поездах на железной дороге Киль – Берлин? Причем кондуктором в вагонах второго класса! Вот таким был мой отец. Поразительно, с каким трудом родители приходят к пониманию того, что их заурядное жизненное положение оказывает сильное влияние на поведение и мировоззрение их детей.

Таким образом, убогий образ жизни отца, естественно, способствовал формированию у меня многих комплексов. Какое ужасное унижение общаться с друзьями, происходящими из семей, которые по социальному статусу выше положения твоей семьи!

Карл фон Рекнер, Михаэль Стинсман, Мици Брюдле и другие...

– Но разве ты не придешь, Петер Нойман, в воскресенье к нам домой? Мы прекрасно проведем время!

Пошли они к черту! Почему я должен принимать их приглашения только для того, чтобы они продемонстрировали превосходство своего социального положения и роскошную обстановку у них дома?

К тому же тот, кого приглашают, должен возратить долг гостеприимства.

Но как я смогу пригласить на Хейлигенгассе, 37 Карла, Михаэля или Мици?

Моя мать, с вечно мокрыми руками, покрасневшими от стирки, принимая сына полковника, графа фон Рекнера, должна будет вытереть руки о фартук, прежде чем пригласить его в свою убогую кухню...

Я предвижу все это.

– Входите, дорогой! Я только уберу белье с плетеного кресла, и вы сможете сесть...

Лена, смешная девчонка!

Ей восемнадцать лет, на год больше, чем мне. Блондинка с узким лицом, с телом, отвечающим необходимым параметрам, и, помимо всех этих чудных качеств, обладающая таким обворожительно стервозным характером, какого я не встречал прежде.

Она, возможно, была равнодушна к томным и дерзким взглядам Карла, а также к тому забавному состоянию постоянной меланхолии, которое он на себя напускает.

Мой брат Клаус не может смотреть на него без надувания щек и разных шуток в адрес его жеманных манер.

Клаусу только десять лет, но, по слухам, ходящим в Виттенберге, он настоящая гроза всего района от Бранденбурга до Гольштейна. Менее года он был «пимпфе» (так звали подростков от десяти до четырнадцати лет, состоявших в Deutsches Jungvolk – организация «Немецкая молодежь». – *Ред.*). Тем не менее сейчас он уже достиг звания юнгшафтфюрера.

Не знаю, обязан ли он этим своим исключительным способностям к разрушению и дезорганизации, которые действительно феноменальны, или он реально обладает качествами лидера. Но факт остается фактом: его карьера поразительна.

Отец объяснял мне однажды, что офицеры обнаружили у брата свойство, необычное для ребенка его возраста. Он с поразительной легкостью мог определить любого еврея, который не носит желтой звезды.

Брат приказывал им являться в местное отделение гитлерюгенда, где принимались необходимые меры.

Отец отнюдь не был доволен, когда узнал обо всем этом.

Глава 2

НАШЕ ОБУЧЕНИЕ

Юлиус Штрайхер в центральной школе Виттенберге пребывал в крайней эйфории. Он полноценный немец и верный последователь фюрера.

К сожалению, Штрайхер вбил себе в голову перетряхнуть немецкую университетскую систему сверху донизу, возможно, из-за того, что когда-то сам был учителем.

С выхода декрета в прошлом январе эта работа не прерывалась.

Пятьдесят четыре часа лекций в неделю вместо прежних сорока. И сверх того восемь часов политологии, два из которых посвящены расовой теории.

В дополнение ко всему учебное заведение теперь курирует порядочный болван из Германии, присланный партией. Фактически он распоряжается школой Шиллера. Кажется, с тех пор как декрет вступил в силу, все дневные школы, педагогические институты и школы-интернаты поставлены под неусыпный контроль официального представителя нацистской партии.

Горе побежденным!

Этим утром Плетшнер, профессор политологии, был в неистовом состоянии. Если бы одно из этих пугал, врагов партии, Германии и Европы, о котором мы так много слышали, попало сегодня ему в руки, мне кажется, он, выражаясь его собственными словами, раздавил бы его железной пятой, выпустив из него нечистую кровь на благо всего человечества.

Старый папа Плетшнер начисто лишен слабостей. Иногда я думаю, не страдает ли он маниакальной агрессивностью.

Если только эти острые приступы ненависти не являются способами разрядки от супружеских неприятностей. И Бог свидетель, их у бедняги немало. Об этом знают Бог и многие парни Виттенберге. От шестнадцати до двадцати двух лет... Именно к этому нежному возрасту особенно чувствительна милая фрау Плетшнер.

Если же не принимать во внимание инъекций теоретического садизма, то его лекции в целом первоклассного уровня.

Вчера темой его лекции был эпизод борьбы партии против «Рот фронта» Тельмана. Должно быть, это была по меньшей мере двадцатая лекция на эту тему, но Плетшнер всякий раз подогревал наш интерес к ней.

Мы начали с разбора экономических трудностей Германии, которые возникли после смерти Штреземана (в августе-ноябре 1923 г. канцлер и министр иностранных дел, в 1923–1929 гг. – министр иностранных дел Германии. – *Ред.*) 3 октября 1929 года. В то время германская экономика медленно гибла под давлением международного капитализма и в результате жульничества так называемых «держав-победительниц», которые навязали ей диктат Версальского договора. За коммунистов голосовали 10 миллионов немцев.

«Рот фронт» делил влияние с немецкими националистами Дюстерберга и почтенным, но дряхлым маршалом фон Гинденбургом.

Размах нищеты ужасал.

Сменявшие друг друга правительства не могли найти средства от раковой опухоли, которая подтачивала жизненно важные органы рейха, или снадобье от геморроя, который обескровливал его.

За супом столовых для бедных выстраивались очереди из шести миллионов безработных. Инженер, выглядевший оборванцем, смиренно ожидал своей очереди между обанкротившимся промышленником и безработным рабочим-металлистом. Это было время, когда требовались влиятельные связи и солидный банковский счет, чтобы достать тонну угля.

Самого Тельмана устраивала череда конференций по вопросам заработной платы, сею-
щая социальные конфликты и провоцирующая забастовки. Таким образом, новые миллионы
рабочих оказывались в отчаянном положении.

Именно в это время засияла звезда человека, которому предстояло стать фюрером Тре-
тьего рейха, звезда, отбрасывавшая луч надежды на сцену разрухи, которую представляла
тогда разобщенная Германия в состоянии полного хаоса.

С 1919 по 1930 год численность последователей национал-социализма выросла со ста
с небольшим человек до более восьми миллионов.

Осознавая свою миссию, Адольф Гитлер считал, что только он способен обеспечить
истощенной Германии тот импульс возрождения, который придаст ей силу для преодоления
нынешней катастрофы, для предотвращения банкротства и падения в пропасть, где ужасные
щупальца международной плутократии готовились задушить ее.

При содействии миллионеров-патриотов Тиссена, Кирдорфа, Круппа и других (Шре-
дера, Феглера и т. д. – *Ред.*), при поддержке всего населения (не всего, но большинства. –
Ред.) фюрер пришел к власти.

Он никогда не забывал о том, что НСДАП была прежде всего партией немецких рабо-
чих. В качестве последнего великодушного жеста он предложил коммунистам вступить в
национальный фронт – единственное движение, позволяющее рейху выжить.

Но приказы из Москвы были неумолимы: продвижение партии национального осво-
бождения должно было быть остановлено любой ценой.

Поэтому началась борьба против жестокого, мстительного и сильного врага, который
не мог выносить победоносного рождения Третьего великого германского рейха.

Сама партия не могла простить этого мятежного акта предателей страны, людей, нахо-
дившихся на содержании иностранных держав.

Она и не простила. Но фактом остается то, что именно красные в союзе с еврейскими
реакционерами несут ответственность в первую очередь за беспощадные репрессии и бес-
человечное насилие в этой борьбе.

Хорст Вессель, мученик за наше дело, сказал перед гибелью 23 февраля 1930 года на
баррикадах в Вединге (рабочий район на северо-западе Берлина):

– Нацисты! Если красный повредит вам глаз, ослепите его. Если он выбьет вам зуб,
разорвите ему челюсть. Если он ранит вас, убейте его.

Когда мы уходили с лекции, меня тронул за плечо Франц Хеттеншвиллер:

– Как ты думаешь, не пудрит ли старик Плетшнер нам мозги всей этой туфтой? Не
знаю, заставляли ли его сгущать краски, но мне он кажется полным кретином.

Франц молча продолжил идти рядом со мной. Я чувствовал, что он хочет спросить меня
о чем-то, а замечание о Плетшнере было сделано лишь для того, чтобы завязать разговор.

Франц Хеттеншвиллер – мой лучший друг. По чистому совпадению его отец, работа-
ющий на железной дороге, был переведен в Виттенберг в одно время с моим отцом. До этого
мы оба жили в Гамбурге, и после этого большого города ганзейской столицы Виттенберге
поразил нас своей серостью и скукой. Впрочем, нам было хорошо вдвоем, и смена места
жительства показалась нам менее тягостной, когда мы оба поступили учиться в школу Шил-
лера.

Через некоторое время Франц решился высказать то, что хотел. Это давалось ему не
без труда.

– Петер, – произнес он, – ты не думаешь, что фюрер хочет войны?

Я бросил на него удивленный взгляд.

– Франц, никто не может желать войны! Но ведь ты понимаешь не хуже меня, что
иногда война необходима.

Он остановился и серьезно посмотрел на меня.

– Значит, ты считаешь, что она неизбежна? Я тоже так думаю. Ади (то есть Адольф Гитлер. – *Ред.*) хочет на самом деле одного – спровоцировать Францию и Англию, чтобы иметь железный повод для ведения войны. Но несомненно и другое: народ хочет мира и...

– О чем ты? – перебил его я, глядя на приятеля сверху вниз.

Франц сантиметров на пять меньше меня ростом, около ста семидесяти пяти сантиметров, против моих ста восьмидесяти. Казалось, он избегал моего взгляда.

Я пожал плечами.

– Могут подумать, что ты боишься, Франц! М-да... немного... удивительно, с учетом того, что ты гефол (гефольгшафтфюрер. – *Ред.*) в гитлерюгенде.

Мы двинулись дальше.

– По-моему, – продолжил я, – фюрер прекрасно понимает то, что делает. Кроме того, народ... – Я сделал неопределенный жест рукой. – Что такое народ? Это он, они, масса, но больше не «мы», Франц! Мы больше не являемся частью народа. Что может значить мнение других людей для нас! Их страхи или ложь.

В его глазах я заметил нечто похожее на удивление или недоверие. Он вымученно улыбнулся. Впрочем, это была забавная улыбка.

– Странный ты парень, Петер. В принципе, возможно, ты и прав. Я всегда стараюсь все анализировать, чтобы понять. – Немного подумав, он добавил: – Возможно также, что реальность в тысячу раз более неистова, более захватывающая, чем предполагаешь. Или ожидаешь.

Я схватил его за руку.

– Послушай, Франц. Даже если жизнь заполнена битвами и болью, а также бесконечной борьбой за идеал, это, по-моему, все же предпочтительнее скучного, убогого существования без всякой опасности.

Мы дошли до угла Бреннерштрассе и Ферндплац. У светофора мы снова остановились.

– Мне, во всяком случае, представляется именно так, Франц, – продолжил я, – Ницше первым учил нас тому, что человек очищается борьбой за идеал, которой следует отдать все силы и, если необходимо, жизнь.

Светофор переключился, и мы пересекли улицу.

– Бывало, мне не приходило в голову отделять себя от большинства людей, – говорил я далее. – Полагал, что борьба за идеалы – пустая болтовня. С тех пор я изменил свое мнение.

Франц криво усмехнулся:

– Из тебя выйдет великий адвокат, Петер! – После минутного молчания он добавил: – Я же просто болтаю. У меня меньше веры и уверенности в будущем, чем у тебя. – Он протянул мне руку. – Хорошо, что ты рядом, держишь меня в форме.

Я похлопал его по спине и сказал:

– Выкинь дурь из головы. Надеюсь, это не испортило твой аппетит.

Он дружески помахал рукой и направился на Перлебергштрассе.

Я тоже пошел домой.

После полудня у меня не было лекций. Когда Клаус в пять часов вернулся домой из школы, он стал приставать ко мне с просьбами помочь ему сделать домашнее задание.

Просматривая его учебники, я вновь заметил, как отличаются они от тех, по которым я занимался несколько лет назад. Перемены стали особенно заметными после того, как Штрайхер занял пост главы Института политологии в Берлинском университете.

Вот математическая задачка, выбранная навскидку:

«Самолет «Штука» (пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87». – *Ред.*) при взлете имеет бомбовую нагрузку в 120 бомб по 10 килограммов каждая. Самолет летит на Варшаву, центр международного еврейства, бомбить город. При взлете со всеми бомбами на борту и топливными баками, заполненными 1500 литрами горючего, самолет весит около 8 тонн. По

возвращении из рейда в нем остается 230 литров горючего. Каков вес самолета без полезной нагрузки?»

А вот другая задачка, которую мне пришлось решать для Клауса:

«Несправедливый Версальский договор, навязанный французами и англичанами, позволил международной плутократии присвоить германские колонии. Франция захватила часть Того. С учетом того, что немецкая часть Того, временно оккупированная французскими империалистами, составляет 57 тысяч квадратных километров с населением в 800 тысяч человек, определите количество жизненного пространства на одного жителя».

Я просмотрел, кроме того, несколько глав из его учебника по истории Европы (*Geschichte als national politische Erziehung* («История для национального политического образования»)) профессора Дитриха. Книга написана для молодежи и распределена по школам в 1937 году). Этот учебник постулирует:

«Французская революция имела своей главной целью истребление французских аристократов арийской крови. Ее развязали еврейско-средиземноморские элементы для захвата власти и порабощения народа. После подавления восстания в Вандее французы нордического происхождения, преследуемые из-за чистоты своей крови, бежали в Германию...

Затем радикальные левые силы завладели властью и установили режим террора, продолжавшийся несколько лет. Любой человек, который не поддерживал их дело, беспощадно гильотинировался...

Вслед за этим французский империалистический милитаризм выдвинул диктатором офицера итальянского происхождения Наполеона Бонапарта, который принял французское имя и стал Наполеоном Первым.

Наполеон являлся диктатором-варваром, одержимым одной целью: порабощением Европы, и прежде всего уничтожением Пруссии».

Особый интерес вызывает пассаж, посвященный войне 1914–1918 годов:

«В 1914 году Германия, ставшая промышленной державой первой величины, представляла смертельную угрозу международному еврейскому капитализму. Заводы Рура работали на полную мощь. Экономика процветала. Немцы, самый свободный народ мира, достигли высочайшего уровня жизни в Европе. Страна была самодостаточной и не нуждалась в иностранных товарах или сырье.

Все это явно вызывало зависть жадных плутократов Англии, Франции и Америки. Поскольку каждая из этих держав в одиночку была слишком слаба для открытой и честной борьбы, они решили объединиться, чтобы завоевать нас. Рейх, который нуждался в то время в таком лидере, как Адольф Гитлер, не смог противостоять засилью в нашем правительстве определенных предательских элементов. Германию предали.

Еврей Эрцбергер подписал позорное мирное соглашение, которое связало нас по рукам и ногам.

Через два с лишним года (в августе 1921 г. – *Ред.*) он заплатил за это грязное предательство жизнью в Шварцвальде. Патриоты казнили его.

Затем французы попытались уморить голодом население Рура и в нарушение соглашений, ими же подписанных, вновь оккупировали правый берег немецкого Рейна. Но героические шахтеры из Дортмунда, Эссена и Дуйсбурга показали французам, что они готовы пойти на смерть ради обеспечения жизнеспособности Германии.

Наш фюрер, который в то время начал крестовый поход за освобожденный, счастливый, демократический и очищенный от евреев рейх, поклялся отомстить французам и вернуть однажды территорию Эльзаса и Лотарингии, которую те захватили».

Учебники по географии тоже сильно отличались от тех, что были несколько лет назад.

Я нашел наиболее занимательной книгу Фрица Бреннеке и Пауля Гирлиха.

«Германская цивилизация, – прочитал я, – единственная чистокровная цивилизация, была создана две тысячи лет назад на северных территориях, называемых сейчас Швецией и Норвегией. Она, как масло по воде, медленно распространялась на Ютландию, острова Фюн, Зеландию и Лолланн.

В дальнейшем это арийское население разделилось на народы.

Некоторые из них утвердились на территории, которая составляет сейчас нашу страну. Другие двинулись морским путем на британские и ирландские острова. Третьи отправились на равнины Восточной и Западной Галлии, которая находилась тогда в состоянии дикости и была ими цивилизована.

В Средние века новые арийские народы нордического происхождения утвердились в Центральной и Южной Европе. А еще позднее другие немцы переместились на земли славян или в район Карпат, вытеснив оттуда потомков варварских племен, которые пришли с Востока.

Некоторые из этих народов нордического происхождения сохранили полную чистоту крови, другие совершили кровосмешение. Последнее произошло с потомками древних викингов, поселившихся на французской территории, называемой Нормандией.

Все эти территории, населенные сегодня меньшинствами германского происхождения, неизбежно должны постепенно объединиться для образования великой германской конфедерации, подобной созданной ранее императором Карлом Великим (712–814 гг., франкский король с 768 г., с 800 г. император. – *Ред.*).

Аналогичным образом в состав Германии должны быть интегрированы в предстоящие годы такие страны, как Швейцария, Люксембург, Фландрия, Валлония, Польша, Судетская область, Румыния, Венгрия, Словакия, страны Балтики и, прежде всего, Эльзас и Лотарингия. Ни один немец не вправе пребывать в благодушном состоянии, пока не будет выполнена миссия освобождения угнетенных братских народов. Придет день, когда наш фюрер подаст сигнал для начала борьбы. Горе тому, кто окажется на нашем пути».

Одна глава посвящалась русским.

«Россия, управляемая сейчас наиболее жестокими полицейскими террористическими методами из когда-либо известных, представляла бы большую опасность для Германии, если бы наш фюрер, Адольф Гитлер, не находился у власти. Русские все еще цивилизованы только наполовину. Азиатские орды, которые составляют почти три четверти советского населения, не достигли уровня жизни наших предков двухсотлетней давности.

Русские живут в постоянном страхе ареста или депортации.

Если бы СССР был достаточно силен, он бы напал на Германию и попытался уничтожить наше Отечество.

Вот почему рейху постоянно следует быть настороже, ибо только будущая мощь станет самой надежной гарантией нашей свободы. Немецкий народ не должен ни на одно мгновение упускать из виду тот факт, что большевизм означает грабежи, убийства и уничтожение».

Клаус закончил сочинение, которое должен был написать.

Я сунул учебники в его кожаный ранец и повернулся к нему.

– Послушай, Петер, – сказал Клаус, укоризненно помахивая пальцем, – я больше не буду допускать тебя к своим делам.

Он старался выглядеть значительным.

– Думаю, юнгешафтфюрер, – добавил он, – может иметь секреты даже от своего собственного брата! Разве я просматриваю твои книги и бумаги?

В ответ он получил пощечину.

Мгновение Клаус выглядел разъяренным, затем принялся смеяться, потирая щеку:

– Черт возьми! Кажется, ты вовремя усвоил новые методы воспитания фон Метцша.

Я подался вперед, заинтересовавшись.

– Что ты имеешь в виду? Кто тебе сказал о фон Метцш?

Он снова принял надменный вид, который я не переношу. Эта поза делала его похожим на павлина, распутившего хвост, который наблюдает за брачными танцами облезлых, линяющих уток.

– Führerprinzip (принцип лидерства), – объяснил он мне безапелляционным тоном. – Новый воспитательный метод, вводимый Штрайхером, нашим руководителем, чтобы мы, школьники, стали хорошими немцами и знали все о стране и об опасностях, которые ей угрожают.

Он посмотрел на меня снизу вверх.

– Две самые большие опасности – это коммунизм и евреи. В дальнейшем учителя и профессора уже не будут дряхлыми седыми бородачами, отставшими от времени. Это будут молодые специалисты из СС или, по крайней мере, члены партии.

Клаус искоса бросил на меня взгляд, желая убедиться, произвела ли на меня впечатление его новая роль многообещающего эксперта по политическому воспитанию.

– Все учителя будут иметь звания, как в армии. Время от времени они будут докладывать по инстанции о наших успехах в учебе и расовых достижениях.

– Что ты имеешь в виду под «расовыми достижениями»?

– Достижениями, достижениями! Ну, это количество евреев, которых мы разоблачим в школе или на улице. Боже мой, чему тебя учили?

Я позволил ему продолжать, потому что хотел получить от него больше информации.

– О чем это я? Ах да, дело касается наших учителей... В прошлый понедельник новый директор школы вызвал нас всех и объяснил, почему фюрер решил уволить всех неблагонадежных. Большинство из них – это бывшие коммунисты или лица с примесью еврейской крови. Существовала угроза того, что они могли испортить нас порочными методами воспитания.

Он заговорил вдруг унылым тоном:

– Некоторые нам нравятся. С теми же, кто не нравятся или кто не члены партии, мы всегда начеку. Юнгбанфюрер рекомендовал нам присматриваться к ним и делать пометки о каких-нибудь странностях в их поведении. Нам нужно сообщать обо всем, что они делают и с кем говорят, следить за тем, куда они ходят.

Он скривил губы и раздраженно хмыкнул. Затем вздохнул:

– Это работенка! Весь этот материал следует сдавать «фенляйну», который передаст его «штамму». Тот, в свою очередь, вручит его «гебиту», и далее материал пойдет к «обергебиту». Что касается того, как поступит с ним «обергебит», то это нас заботит меньше всего. Но больше всего раздражает то, что это часто ведет к неприятностям. Достаётся всегда именно тому парню, который первым сообщит. Поэтому в действительности, когда учитель ведет себя сомнительно, мы обычно не очень спешим докладывать об этом.

Я несколько опешил.

Но мне очень хотелось узнать, что ему говорили о фон Метцше, недавно назначенном декане университета.

– Кто такой этот Метцш?

Клаус ответил пренебрежительным тоном:

– Ты и вправду ничего не знаешь! Генерал-лейтенант Хорст фон Метцш был назначен Юлиусом Штрайхером на высший командный пост в германском преподавательском корпусе. Наша образовательная система должна строиться по образцу иерархической военной системы СС. Также будут введены телесные наказания, но мы не особенно боимся этого. Черт возьми! Сделай маленький промах – и они зададут тебе трепку!

Он сделал короткую паузу. Но, не желая, видимо, упустить столь благоприятный шанс продемонстрировать свою полную подготовленность исполнять обязанности юнгешафтверера, Клаус продолжал:

– После назначения Метцша произошло еще одно изменение. У нас теперь два дополнительных часа в неделю для постижения расовой теории. С прошлого месяца вменено в обязанность вывешивать каждый понедельник на стенах школы свежий выпуск «Штюрмера».

Что такое «Штюрмер» («Штурмовик»), мне известно. Это еженедельная газета, издаваемая Штрайхером. Она затрагивает исключительно расовые проблемы, особенно еврейский вопрос.

Листая газетные страницы, сталкиваешься с карикатурами на евреев, выполненными в гротескном виде. Печатный текст призван раскрыть глаза общественности на «угрозу, исходящую от израэлитов». Газета снабжает читателя конфиденциальной информацией о контроллинге евреями промышленности и торговли, печатает списки недавно раскрытых тайных обществ и много других материалов подобного рода.

Имеются также новостные сюжеты на ту же тему. Регулярно публикуется очередной рассказ об изнасилованной евреем немецкой девушке, которая произвела на свет уродливого младенца. (Кроме того, регулярно печатались выдержки из «Протоколов сионских мудрецов», истории о ритуальных убийствах немецких детей евреями и т. п. – *Ред.*)

Я знаю о евреях практически все. Тем не менее нахожу подобные материалы довольно глупыми.

Мне известно также, что фюрер любит читать «Штюрмер» и что он с нетерпением ждет момента, когда ему положат на стол новый выпуск газеты, еще пахнущий типографской краской.

Увидев, что я погрузился в раздумья, Клаус вновь принялся за домашнее задание.

Я заглянул через его плечо. Клаус писал:

Рейх во главе с великим фюрером
Без усталости совершает беспощадный крестовый поход.
Иди за нами, парень, ведь ты немец, и горд этим,
Бьют барабаны, развеваются знамена.

Мы оставляем за собой чисто выметенную дорогу,
Евреи на ней уничтожены, над ней голубое небо.
Но на горизонте остаются свинцовые облака,
Евреи снова поднимают головы, снесем их с плеч.

Молодежь Германии, покажи нам силу своих рук,
Смертоносный кинжал должен бить без страха.
Да здравствует борьба, отважный крестовый поход,
Слава нашим воинам, цепи разбиты.

(Juden Lebenschreibung («Еврейская биография») Густава Найделя)

Глава 3

ВОСПОМИНАНИЯ О БАВАРИИ

Лето 1938 года. В течение двух дней мы находились в Зоненвендлагер (летний лагерь гитлерюгенда) в Урфельде на берегах озера Вальхензе в местечке Гармиш в Баварских Альпах.

Мы собирались провести большую часть своих каникул в прекрасных заповедных природных условиях. Виттенберге казался теперь очень далеко. Очутившись лицом к лицу с горами, вершины которых покрыты вечными снегами, ощущаешь себя в совершенно необыкновенном мире и новой обстановке. Природный ландшафт, кажется, дышит свободой и чистотой. Все выглядит просто и легко. Здешняя жизнь разительно отличается от атмосферы преследований, тревоги и депрессивного состояния в Бранденбурге.

Или, может, это просто мой искаженный взгляд на мир? Ведь у меня остались неприятные воспоминания о последних днях пребывания в Виттенберге.

Меня утомила вся эта зубрежка, которой я должен был заниматься, чтобы получить аттестат, – теперь я бакалавр искусств. А то, что произошло потом дома, меня окончательно добило.

Несколько месяцев назад Лена познакомилась с молодым унтерштурмфюрером СС (шутцштафелем). С тех пор она не переставала говорить о его физических, эстетических и моральных качествах, утверждала, что он «похож на греческого бога» и все такое.

Вскоре она была уже совершенно от него без ума.

Однажды, месяца два назад, она вдруг решила представить свой образец совершенства отцу. И вот она приводит домой его, одетого в безукоризненную форму, и мы на Хейлигенгассе, 37 имели честь принять этого сердцеда.

Генрих Грисслинг, эсэсовец из «Лейбштандарт Адольф Гитлер»², чувствовал себя как дома. Улыбчивый и самоуверенный, он вошел с важным видом, поклонился маме, протянул руку отцу и снизошел удостоить кивком Клауса и меня. Он был высок, белокур, с массивным квадратным лицом, скупыми жестами и хриплым голосом. Ничто в нем не напоминало Дон Жуана.

Через несколько минут принужденного разговора или скорее одностороннего монолога, прерывавшегося длинными паузами неловкого молчания, Грисслинг, как говорится, подошел к главному. Без всяких околичностей он объяснил моему отцу, что располагал возможностью суммировать положительные и отрицательные качества Лены и что обнаружил в итоге превышение первых над вторыми. Поэтому он имеет честь просить ее руки.

Временной отрезок между приходом жениха в 16.30 вечера и брачным предложением в 16.50 едва ли оставлял отцу время составить какое-то определенное мнение по этому вопросу, чего он, видимо, желал.

Отец пытался объяснить это.

Однако Грисслинг отказал ему во времени для размышления. Генрих безапелляционно заявил, что они с Леной любят друг друга, что они молоды, свободны и здоровы и что нет оснований откладывать свадьбу. Казалось странным, что он взял на себя труд прийти в наш дом, вместо того чтобы увести с собой Лену сразу.

Он добавил также, что их союз будет весьма благополучным, поскольку соответствует этике супружеских отношений национал-социализма. Какое отношение имел к этому национал-социализм?

² «Лейбштандарт Адольф Гитлер» представлял собой личную гвардию фюрера. Он включал элиту нацистских штурмовиков, эсэсовцев, которые отличились в штурмовых отрядах СА или в ходе карательных операций. – *Примеч. ред.*

В заключение этой необычной беседы он заявил, что снова придет через три дня выслушать решение моего отца. Но заметил при этом, что они с Леной, если потребуется, могут обойтись без его одобрения.

Как только этот странный молодой человек удалился, мы все посмотрели друг на друга и на Лену.

Она, со злым выражением лица и издевкой, заговорила:

– На самом деле, если бы все мужчины были такими, как он, жизнь стала бы гораздо проще. – И, повернувшись к нам лицом, продолжила: – Фюреру не так трудно было бы строить новую Германию. Генрих знает, чего хочет. Я тоже! Я люблю его, и этого достаточно. Нет нужды в долгих обсуждениях и бесконечных встречах!

– Но ты хорошо его знаешь? – робко спросила мама. – Ты знаешь, кто этот мужчина, и может ли он сделать тебя счастливой? И эта его работа, чем он конкретно занимается?

– Его работа? – произнесла Лена холодно. – Его работа состоит в том, чтобы оберегать фюрера и великий нацистский рейх! Разве этого недостаточно?

Отец пробормотал что-то о том, что она глупая девчонка или того хуже – потаскуха. В заключение разговора он заявил, что наведет осторожно справки о Грисслинге, прежде чем предпринять что-нибудь.

К сожалению, эти справки дали не очень благоприятную информацию об унтерштурм-фюрере.

Отец выяснил, что тот фактически был пьяницей и бабником, без всяких моральных или религиозных принципов. Я только воспроизвожу его слова, но было кое-что более серьезное.

Грисслинг стал офицером в результате обстоятельств, о которых стоит рассказать.

Два года назад, в 1936 году, он был всего лишь обершарфюрером, служившим в Алленштайне (Алленштейне), в Восточной Пруссии.

В то время в Алленштайне (современный г. Олыптын в Польше. – *Ред.*) проживало много польских евреев. После беспорядков в июне 1936 года в Пруссии и Силезии – беспорядков, спровоцированных еврейским меньшинством, которое обвиняло профсоюзы НСДАП в увольнении евреев, – были приняты весьма жесткие дисциплинарные меры.

Ночью с 28 на 29 июля начался погром. Всех еврейских торговцев выбросили из их лавок, которые затем были разграблены и сожжены. Эсэсовцы с пальцами на спусковых крючках автоматов стреляли по всем, кто пытался бежать. Они врывались в дома ортодоксальных евреев, заставляли их спускаться по лестницам со вторых этажей, подталкивая прикладами.

В ту ночь рвение Генриха Грисслинга в погромах удостоилось особой похвалы начальства.

Он специализировался на детях.

Не упустил ни одного из них. Под предлогом предупреждения попыток детей сбежать – реальных или надуманных, ему лучше знать – он расстреливал их длинными очередями из пулемета, из которого стрелял по еврейским домам.

По окончании операции значительная часть почитателей Талмуда оказалась в еврейском раю. Оставшихся в живых отправили в концентрационный лагерь в Шнайдемюле.

На следующий день Грисслинга повысили в звании до гауптшарфюрера, а месяцем позже – до унтерштурмфюрера.

После долгих размышлений я не знал, что и думать о такой форме дисциплинарной операции.

Альфред Розенберг показал в своей книге «Миф XX века», что евреи причинили Германии и всей Европе большой вред.

Фюрер был в мире первым, кто принялся за силовое противостояние еврейской угрозе.

Я убежден, что для обеспечения нашего будущего важно устранить евреев из определенных профессий и предотвратить их влияние на жизненно важные для страны проблемы.

Но я не мог понять пользу или ценность упомянутых дисциплинарных операций и казней.

Впрочем, фюрер, который показывал снова и снова, что его трудно обмануть, несомненно, имел веские причины для санкций на такие операции.

Где-то я читал, что режим для укрепления своей силы и мощи не должен ставить себе целью чисто абстрактный идеал, но должен преследовать конкретные цели, воздействуя на наиболее уязвимые элементы и уничтожая их.

Это мобилизует сторонников режима и дает выход их ненависти.

Если дело обстоит именно так, то евреи идеально подходят для этой цели.

Все это, однако, меня мало интересует.

Возвращаясь к Генриху Грисслингу и моему отцу, я считаю излишним говорить, что папа Нойман не испытал особого энтузиазма, когда узнал, что его будущий – о боже! – зять вовсе не невинный, чистый юноша, которого он желал своей дочери.

Отцу рассказал о Генрихе младший офицер из казарм Людендорфа. Этот достойный служака добавил, что, по его мнению, унтерштурмфюрер Грисслинг настоящий герой, которого ждет блестящее будущее...

Но вы бы слышали папу, когда он пришел домой в тот вечер! Увидев Лену, он двинулся на нее со страшным криком:

– Никогда, слышишь, никогда я не отдам свою дочь этому убийце!

Лена побледнела и резко вскочила, опрокинув стул, на котором сидела.

– Генрих – убийца?

– Он подлый преступник, вот кто он! Омерзительный убийца! Он заслужил жестоко-стью ужасную репутацию после еврейского дела в Алленштайне... Кирнсте рассказал мне об этом все. И ты хочешь, чтобы я позволил брак с этим садистом, который находит удовольствие в кровавой бойне детей! Тебе нравится померанцевая свадьба, полагаю... Почему бы не пригласить братьев и сестер убитых детей, чтобы они несли шлейф твоего свадебного платья? А потом лежать с ним всю ночь в постели, когда он сможет сообщить тебе все подробности! Он расскажет, кого убивал весь день?

– Замолчи, отец, или я заставлю тебя замолчать! – огрызнулась Лена.

Папа смотрел на нее недоверчивым, непонимающим взглядом. Он с трудом выдавливал из себя слова:

– Моя собственная дочь не лучше всякой дряни! Моя дочь. Мои дети мерзки! Это больше не люди!

Помню, я встал, стиснув зубы. Есть вещи, с которыми нельзя мириться, даже если они исходят от собственного отца.

Но прежде чем я смог что-нибудь сказать, он дал Лене увесистую пощечину.

Со стороны сестры не было никакой реакции. Она промолчала. Схватила свое пальто и вышла из дому, хлопнув дверью.

Я сказал отцу, что он поступил неправильно. Он окинул меня безумным взглядом, словно не понимая, затем рухнул на край стола, всхлипывая.

Думаю, я презирал бы его меньше, если бы не его глупая вспышка буржуазной сентиментальности.

Через час Лена вернулась в сопровождении Генриха.

Унтерштурмфюрер вошел, ни с кем не поздоровавшись. Он был в ярости, его лицо исказилось необычным образом: нижняя челюсть выдвинулась вперед, словно он хотел убить кого-то. Без единого слова он пересек комнату, взял стул и сел. Его взгляд, окинув комнату, остановился на отце.

– Дела неважны, герр Нойман, – сказал он. – Ваша дочь только что призналась мне, что вы плохой немец. Вы глубоко оскорбили меня и нашего фюрера. Это неблагоприятно и опасно. Особенно когда исходит от человека, подобного вам.

Прежде чем продолжить, он задержал взгляд на Лене.

– Ваша дочь, к счастью, хорошая гражданка. Ей нелегко было сообщить мне то, что весьма заинтересовало бы мое начальство на Потсдаммерштрассе. – Он слегка улыбнулся. – Вы допустили небольшое упущение, когда заполняли свою анкету в этом году. Вы ведь реально участвовали в экстремистской деятельности в 1932 году. Были членом «Рот фронта», кажется?

Отец повернулся в сторону Лены и пристально посмотрел на нее, словно видел в первый раз. Затем его лицо приняло суровое выражение.

– Будем говорить по существу, – пробормотал он. – Что вам нужно?

– Ничего, герр Нойман. Совсем ничего, – ответил Грисслинг. – Только я не вполне уверен в том, какие последствия может иметь дознание гестапо, если, конечно...

Отец прервал его:

– Никогда, слышите? Пока я жив, вы не получите Лену. Даже если это грозит мне смертью.

Генрих мгновенно встал. Выражение его лица не сулило теперь ничего хорошего.

– Правильно, это означает вашу смерть, герр Нойман, вы умрете. Помяните мое слово.

Он молча вышел из комнаты, уводя за собой Лену.

Отец ничего не сказал. Опустив плечи, он отправился в свою комнату.

В ужасе мама запричитала:

– Быть преданным собственной дочерью! Боже мой, невероятно!

Через несколько минут она тоже ушла, поднявшись вверх по лестнице.

Лично я был крайне удивлен. Я совершенно не знал, что мой отец когда-то участвовал в экстремистской деятельности. Лена, должно быть, узнала об этом из конфиденциальных разговоров с мамой.

Я не мог представить отца сражающимся на баррикадах! В свете его убогой мелочной жизни железнодорожного служащего это, видимо, был бунт, неосознанный рефлекторный протест против бесцельного и бессмысленного существования. Красные нашли отца в удобное время, накололи его, как и многих других, словно глупых бабочек, на свою большую схему анархистской борьбы с целью разрушения Германии.

Глупцы, чего они надеялись добиться!

В то время в рейхе царили полный хаос и дезорганизация. Коричневорубашечники, или СА, представляли собой единственный элемент стабильности, на который мы, немцы, могли опереться. Что касается красных, то они свое отжили.

Беспорядок, несправедливость, нищета, распад личности и всей страны, ложь и коррупция... Вот что они принесли нам.

В 1923 году немцы были вполне готовы довериться режиму, который теперь, когда война закончилась, даст им отнюдь не счастье – надеяться на это было нереально, – но просто гарантии мира и безопасности на будущее.

Вместо этого люди, которые не толковали ни о чем другом, кроме как о равенстве, которые буквально задыхались от своих безрассудных воплей и лозунгов о братстве и социализме, не думали ни о чем другом, кроме как набить свои карманы за счет общества, – как они поступали тогда, когда находились во власти в Баварии.

Народные массы были угнетены, унижены и презираемы еще более, чем при Гогенцоллернах.

Каждый здравомыслящий немец понимает, что евреи и коммунисты могли принести Германии только разрушение и упадок, а также неизбежную гибель нашего немецкого наследия.

Возможно, только дегенераты, обработанные идиотской пропагандой, могли счесть наше открытое выражение преданности фюреру как нечто противоречащее здравому смыслу. Фюрер вернул нам веру в великую Германию и лучшее будущее. Только глупцы могут удивляться нашей любви и доверию, нашей решимости следовать за фюрером и помогать ему быстрее переворачивать страницы нашей истории так, чтобы иметь возможность увидеть результаты при жизни нашего поколения...

Нет, я решительно не мог поверить, что мой отец был прав.

Он, видимо, ошибался. Но в некоторых, очень важных, вопросах ошибаться нельзя. Отец должен понести справедливое наказание за свою глупость и ошибки. Порой бывает трудно судить таким образом о людях, которые дали вам жизнь в этом мире, но я считаю, что при всех жизненных обстоятельствах триумф национал-социализма имеет решающее значение. Вполне логично поэтому, что все должно подчиняться его законам.

Через три дня отца арестовало гестапо (сокращение от Geheime Staatspolizei – государственная тайная полиция). Еще через месяц Генрих и Лена поженились. В соответствии с формальной процедурой мы получили копию официального уведомления об аресте отца, которая содержала краткий перечень главных обвинений против него:

«Начальник полиции и начальник службы безопасности Виттенберге. 24 апреля 1938 г. Потсдаммерштрассе, 29.

В юридический и дисциплинарный административный отдел.

В связи с обвинением, выдвинутым унтерштурмфюрером СС Генрихом Грисслингом на основании свидетельств фрейлейн Лены Нойман, проведено тщательное расследование антинациональной деятельности и фальсифицирования официальных бланков деклараций со стороны Фридриха Ноймана, кондуктора вагонов второго класса железнодорожной компании «Мекленбург-Гольштейн».

Расследование убедительно показало, что Фридрих Нойман в период между 1930 и 1932 гг. постоянно принимал участие в коммунистической и экстремистской деятельности.

Как было доказано в дальнейшем, обвиняемый в это время поддерживал переписку с неопознанными корреспондентами, проживающими на польской территории.

Проведены предварительные процедуры.

В ведомство генерального прокурора рейха, в народный суд Берлина 20 апреля 1938 г. направлено обвинение Фридриха Ноймана в государственной измене, предательстве страны и содействии врагу.

Обвиняемый взят под арест со строгим режимом.

Подпись: *Отто Ойген Марш*, штурмбаннфюрер СС.

Гестапо – отделение Виттенберге».

Я пробыл в Урфельде всего шесть дней, но полагаю, что восстановил моральное равновесие. Рад констатировать, что неприятные события в Виттенберге начинают забываться.

Массовые физические упражнения, игры и маневры оставляли мало времени для мрачного настроения и бесполезных переживаний.

Вчера в ходе кратковременной церемонии, происходившей в просеке леса Оберау, меня произвели в гефолгшафтфюреры.

Разумеется, мне пришлось выдерживать действие всякого рода напитков. Карл, Михаэль и я выпили так много пльзенского пива, что к вечеру выглядели не очень презентабельно. Однако нам удалось вернуться в лагерь без происшествий и незамеченными.

Рекнер начинает нравиться мне все больше. Он выглядит здесь более простым и естественным, чем в Виттенберге. Свой снобизм он оставил в Бранденбурге. По мере того как я узнаю его ближе, он кажется более человечным.

Микаэль более сдержан. Никогда не знаешь определенно, что происходит в его голове, о чем именно он думает. Он застенчив и склонен к уединению, но подвержен внезапным проявлениям буйного темперамента. У него умерла мать. Несколько месяцев назад он признался мне, что она была еврейкой и совершила самоубийство во время больших погромов 1933 года. Он взял с меня клятву никому не говорить о его происхождении. Временами мне кажется, что бремя происхождения давит на него так сильно, что заставляет подсознательно поделиться с кем-нибудь своей тайной.

Франц все еще остается моим лучшим другом. Старина Франц вечно колеблется, постоянно удивляется тому, что видит и слышит, бесконечно задает невпопад вопросы. Он по-собачьи преданно и пылко глядит на всех тех, кому доверяет.

Ему недостает волевых качеств, но он незаменимый друг. Мне кажется, что он использует всю отвагу, которая у него имеется, чтобы защитить меня, уберечь от опасности, и даже пожертвует ради меня жизнью, если возникнет необходимость.

Лагерь расположен прямо на берегу озера Вальхензе.

Он состоит из двадцати шести блоков домиков, выстроенных в виде звезды. В центре, на приподнятой платформе, среди цветочных клумб и кустарников, развевается огромный флаг со свастикой, который прикреплен к корабельной мачте высотой примерно 18 метров.

В каждом домике проживает пятьдесят парней. Блок состоит из трех домиков и образует гефольгшафт.

Двадцать гефольгшафтов образуют банн, и здесь, в Урфельде, нами командует банн-фюрер Филип Гассер, эсэсовец, атлет примерно тридцати лет, который, кажется, отличился в качестве пилота двухмоторного бомбардировщика «Дорнье» во время гражданской войны в Испании.

Помимо домиков, где размещались парни, имелись домики дивизионного и полкового командования, госпиталя, кухни, общих комнат или лекторских залов, кладовых.

В организационном отношении мы напоминали пехотную дивизию на маневрах. Такова тема лагерных сборов текущего года. Мы живем жизнью пехотинцев, и это не всегда забавно.

Грубоватый Гассер заставляет нас подниматься каждое утро в пять часов. Далее мы купаемся в озере, пьем кофе с черным хлебом, отдаем честь флагу, а затем участвуем в параде.

За этим следуют два часа боевой подготовки в лесной местности, упражнения в стрельбе и спортивные состязания до самого полудня.

После этого для разнообразия, с часу до трех, слушаем лекции по расовой теории и политике.

Вот где проявились ораторские способности Гассера. Усиленный громкоговорителем, его голос достигает крещендо, когда он обрушивается на евреев. Начиная негромким увещательным тоном, он проходит последовательно стадии насмешек и сарказма, затем внезапно раздражается затяжными взрывами гнева и пророческих воплей, которые радуют наши сердца. Потому что мы прекрасно знаем, что бедняга в любой момент может начать запинаясь. Рев дикого зверя на краю гибели вскоре уступает место непонятному заиканию и смутному бормотанию. В то же время его лицо становится кирпично-красным и покрывается потом. Как раз в этот момент он всегда замолкает, заканчивает речь заключительным

замечанием, которое никак не связано с содержанием лекции. Затем он с большим достоинством спускается с платформы под неистовые аплодисменты возбужденной аудитории. Наш энтузиазм проистекает главным образом из понимания того, что мы больше не услышим его до завтрашнего утра.

Этим полуднем Франц и я решили съездить в Мюнхен.

Большой, долговязый парень, пепельный блондин с квадратной головой уроженца Померании, неуклюже сидящей на покатых плечах, остановил меня у выхода:

– Эй, гефоль, погоди минутку!

Он носил зеленую повязку дежурного по лагерю. По этой причине я не стал отсылать его куда-нибудь подальше, хотя не люблю, когда ко мне обращаются в таком тоне.

– В чем дело? Не хочешь проходить контроль? – спросил он, ухмыляясь. Подошел ближе с недобрый выражением лица. – Ваши увольнительные – быстро!

Мы уступили требованию, но дежурного это мало интересовало, потому что он добавил грубо:

– Носовые платки, карманы, расчески, бумажники?

Пришлось позволить ему убедиться, что наши носовые платки чисты и хорошо отглажены, что в карманах имеется только то, что необходимо, что наши расчески свободны от выпавших волос и перхоти, что в бумажниках находятся лишь нужные документы и удостоверения.

Лишь удостоверившись во всем этом, он позволил нам пройти, но его маленькие свинные глазки выражали сожаление в связи с тем, что у него не было оснований наложить на нас взыскание.

Этого парня мы не скоро забудем...

Мы сели в автобус, отходивший в полпятого, и в пять часов прибыли на солнечную Кирхаллее, где блистали в цветных летних платьях прелестные баварские девушки.

Решили посмотреть фильм о Фридрихе II Великом в кинотеатре на Кауфингерштрассе.

Вошли в курзал, полный табачного дыма и сырости, как турецкая баня. Фильм уже начался.

Полчаса фильма для меня было достаточно. Он представлял собой мрачную и скучную историческую мелодраму, оживлявшуюся время от времени остроумием в духе Вольтера, которое встречали громким смехом импозантные, бородатые персонажи той эпохи, собравшиеся без видимой причины в одной из комнат дворца Сан-Суси.

Я начинаю шевелиться и ерзать на своем месте и чувствую себя крайне неудобно. Внезапно луч света от фонарика билетерши, проводящей кого-то на свои места, выхватывает из темноты девушку, которую я даже не замечал на соседнем месте.

Мгновение, в которое я ее увидел, обнаружило, что она заслуживает самого пристального внимания: румяная, с полными губами, покатыми щеками девушки, обретающей женственность, с соблазнительными изгибами, подчеркнутыми светом проектора, каштановыми волосами, стянутыми в пучок.

Я сразу заметил, что это нежное существо искоса наблюдает за мной краешком глаза. Делаю вид, что внимательно слежу за банальным сюжетом, которым еще более банальный продюсер фильма пытается заинтересовать нас на экране.

Франц, обративший внимание на мою пассивность, толкает меня коленом, видимо с целью придания мне смелости.

Вообще, я не очень находчив в такого рода ситуациях. Несмотря на напускную самоуверенность, чувствую ужасную робость.

Наконец фильм заканчивается под фанфары, дробь барабанов и демонстрацию прусского флага, победно развевающегося над страной, снова обретшей мир. Зажигается свет.

Соседка еще более привлекательна, чем я предполагал.

С галантным видом прикуриваю сигарету, которую предлагает мне Франц. Затем наклоняюсь к девушке и спрашиваю любезно:

– Надеюсь, вы позволите, фрейлейн.

Она улыбается, словно желает сказать: «Ага, меня интересовало, как ты начнешь знакомство», – и отвечает:

– Пожалуйста, я сама курю иногда.

Спешу проникнуть в брешь, которую открыла для меня моя куртуазность, и предлагаю ей сигарету.

Вскоре мы болтаем друг с другом, как давние знакомые. Выясняю, что ей шестнадцать лет и что она в Мюнхене на летних каникулах. Приехала из Штутгарта, где родители занимаются бизнесом. Учится там в политехническом техникуме.

Закончив взаимное представление, отправляемся втроем пройтись по улицам.

Кауфингерштрассе не так оживлена, как прежде. Оранжевые лучи заката освещают лица прохожих и отражаются в окнах многочисленных магазинов одежды, расположенных в этом районе.

Намекаю Францу, что он мог бы вернуться в Урфельд один, однако приятель, кажется, не понимает, что его присутствие не обязательно.

Наконец бедняга уходит, потупив взор и, вероятно, сетуя на непостоянство моей дружбы.

Но ведь не каждый день встречаешь Бригитту!

Оставшись наедине, мы чувствуем, что разговор не клеится.

Я трогаю ее за руку.

– Может, что-нибудь выпьем? Кафе не очень шумны в такой час. Сможем поболтать.

Она с улыбкой принимает приглашение и кивает. Мы входим в небольшой пивной зал.

Когда мы устраиваемся за столиком, я спрашиваю:

– Пиво, сок, вермут?

Сразу видно, что у нее небольшой опыт посещения кафе с молодым человеком. Она несколько смущена, но роняет застенчиво:

– Лимонад, если не возражаете.

Уверенность вновь покидает меня, я утрачиваю покровительственную манеру поведения, которой держался ранее. Почему именно, не знаю.

Она начинает неумолчно болтать, возможно чтобы скрыть смущение. Ее полные, ужасно соблазнительные губы формулируют глупые, малозначащие фразы, которые я слушаю с таким интересом, будто она подробно разбирает произведения Дитриха или Розенберга.

Я замечаю ее удивительно белые зубы и вижу ее крохотный кончик языка, появляющийся в момент, когда она произносит определенные буквы. Вижу веснушки, ямочки на щеках, зелено-голубые глаза, крохотную родинку по одну сторону от носика...

– Вы меня даже не слышите, – вдруг жалуется она.

Опешив, улыбаюсь ей.

– В жизни встречаются два типа людей, – говорит она. – Есть такие, которые с первого взгляда не нравятся и которым не доверяешь, однако встречаются люди, с которыми чувствуешь себя как дома. Думаю, что вы...

Она смотрит мне в глаза, затем краснеет.

Я беру ее руку, которую она благоразумно держит на колене.

– Что я?

Она отдергивает руку, хватает сумочку из-за спины и вскакивает.

– Пойдемте?

Оставляю на столике марку, и мы уходим, сопровождаемые равнодушными взглядами посетителей пивного зала и угодливой улыбкой официанта.

Не говоря ни слова, отправляемся на набережную Изара. Уже темно, и липы на набережной испускают почти пьянящий аромат. Вокруг уличных фонарей кружатся мириады насекомых.

Идем вдоль набережной и на каждом шагу встречаем пары влюбленных, держащихся за руки.

Наконец находим свободную скамью и садимся. Мимо течет река, в ее темных водах отражается голубоватый свет фонарей на острове Пратер и мосту Максимилиана.

Обнимаю ее и прижимаю к себе...

– Я все еще в ожидании. Ты не закончила своего предложения...

В темноте чувствую, как она смотрит на меня и нежно мурлычет:

– Думаю, ты один из тех, которые мне нравятся.

Я не осознаю случившегося, когда мои губы прижимаются к ее губам, которые наполняют меня желанием.

Мы договорились встретиться на следующий день на углу Гётеплац и Хёберштрассе.

Она появляется, улыбаясь. Ее фигуру плотно облегает палевый костюм. Он очень идет ей, подчеркивая тонкую талию и восхитительные бедра. Сегодня ее волосы не стянуты на затылке, но свободно ниспадают на плечи. Легкий макияж. Я особенно не удивляюсь, поскольку знаю, что она не состоит в БДМ (Bund Deutscher Mädel – нацистская организация немецких девушек, весьма строгая в вопросах морали. Макияж ею не признавался. – *Ред.*).

– Привет, герр Петер, – говорит она с улыбкой.

– Вчера, – отвечаю, – было достаточно одного «Петера»...

Молча она берет мою руку.

Автобус на Штарнберг уже собирается отправляться. Мы вбегаем в него за мгновение до того, как билетер закрывает двери.

Остановка через час. Мы – у озера. Хотя август почти закончился, а с ним и летний сезон, на берегах озера Штарнбергер-Зе много людей. На каменной стенке сидят парни и девушки в купальных костюмах. Они разговаривают и громко смеются. Другие играют в пляжный волейбол.

Поворачиваюсь к Бригитте:

– Будем купаться? Что скажешь?

Чуть покраснев, она отвечает:

– Если хочешь, Петер... Мне нравится купаться.

Мы спускаемся на пляж и направляемся к домику, стены которого обклеены ярко раскрашенными плакатами. Я знаю, что там можно взять в аренду купальные костюмы.

Все раздевалки заняты. Пока ждем, предлагаю Бригитте сходить в бар. Там вокруг нас полуголые парни и девушки, и, как ни странно, мы в одежде чувствуем себя смущенными.

Через несколько минут подходит распорядитель пляжа и сообщает, что кабина освободилась.

Мы следуем за ним и останавливаемся у дверцы, пока он достает из кармана ключ. Прежде чем мы осознаем, что он делает, распорядитель заталкивает нас внутрь и закрывает за нами дверь.

Я слегка раздосадован таким оборотом дела. Не из-за себя, конечно, но из-за Бригитты. Моим первым импульсом было выйти наружу, но опасение подвергнуться насмешкам распорядителя, который, должно быть, ждет нашего выхода и своих чаевых, заставляет меня воздержаться и подумать.

Бригитта ничего не говорит. Она просто улыбается.

– Нам придется смириться с этим, – говорит она. – Надеюсь, ты будешь хорошим мальчиком, – продолжила она просительно.

Бригитта начинает раздеваться. Я поворачиваюсь к ней спиной и делаю то же самое.

Кабина очень тесная, и на мгновение я чувствую, как ее прохладное бедро прижимается к моей ноге.

Как ни глупо, чувствую, как краснею.

Вскоре мы выходим на пляж.

Бригитта выглядит воистину прекрасной в черном купальном костюме. Ее зелено-голубые глаза, каштановые волосы, бронзовая кожа спины – само совершенство.

От плавания получают удовольствие слишком много людей. После кратковременного погружения в воду мы ложимся на песок. Я просовываю руку под ее голову, и мы молча лежим так, позволяя солнечным лучам ласкать и согревать обнаженные участки наших тел.

Но время идет, а мне нужно возвращаться в Урфельд к восьми часам.

Мы возвращаемся в свою раздевалку.

На этот раз она прижимается телом ко мне. Я нежно обнимаю ее, так деликатно, словно хрупкую, ценную фаянсовую фигурку из Байройта.

Ее губы почти плотоядно впиваются в мои.

Мои руки гладят ее золотистые плечи, еще теплые от солнца.

Я чувствую вдруг, что она поддается.

– Нет, Петер! Нет... Мне страшно! Нет, нет... Это впервые... Петер, любимый!

Моя первая мужская победа...

2 сентября. День Седана. В течение двух дней «регулярная армия Пимпфена» (гитлерюгенд) оккупирует Урфельд. Этим полуднем и вечером члены организации должны участвовать в памятных церемониях по случаю капитуляции французов под Седаном в 1870 году.

В то же время они сеяли повсюду семена беспорядка и анархии, поскольку не могли прекратить играть в войну.

Этим утром, видимо, для того, чтобы держать себя в боевой готовности, они проводили «маневры» в лесу Оберау. Они организовали великолепную игру, представлявшую имитацию пограничного конфликта.

Французы в союзе с английскими плутократами попытались совершить вероломное нападение на германскую территорию. Доблестные солдаты рейха отбросили их назад за Рейн.

Поэтому были сформированы две армии. С того места, где я пишу, мне слышатся крики и рев парней, играющих за французов и англичан. На самом деле они знают, что для них дело не закончится одной забавой. Удары палками и камни будут сыпаться на них более часто, чем летний ливень.

В полдень побежденная армия возвращается – злая, унылая, в синяках.

Ее противники распевают:

Шесть обойм патронов переброшено через грудь.

В моей руке граната.

Подходи, большевик, я готов к бою...

После полудня на берегах озера Вальхензе состоялась массовая церемония.

В параде участвовали гитлерюгенд и «Дойчес юнгфольк». Члены этих организаций прошли гусиным шагом, держась одними руками за кинжалы, другими – отмахивая в такт гимнам, прославляющим Третий рейх.

В ста метрах от официальной трибуны мы запеваем песню «Мой немецкий брат» (на стихи Рудольфа Штайгена).

Смотри прямо, смотри всегда вперед.
Преодолей страх и выбери верный путь
К счастью. Ты должен всегда бросать вызов смерти,
Не должно быть никакой дрожи и колебаний.
Ничего не проси, не жалуйся...
Трусость не что иное, как позор и растление,
Смерть за страну, давшую тебе жизнь,
Великая честь и слава для солдата.

Скоро наступит свежая, чистая весна,
Когда все наши братья снова будут свободны
От ужасного ярма иностранных угнетателей.
Требуется твоя отвага и даже жизнь,
Наша честь больше не должна быть поверженной.
Мы должны разбить тяжелые цепи, учиться умирать за свою
землю.

Бейтесь, сражайтесь! Зовут нас предки.
Бейтесь, сражайтесь! Зовет нас беззвучно флаг.
Бейтесь, сражайтесь! Мы дали клятву.
Бейтесь, сражайтесь! Мы присягнули этому навеки.

Чтобы отпраздновать в надлежащей манере «день Седана», первый со времени освобождения Австрии, теперь свободной и независимой в составе рейха, в последний момент решили, что мы должны этим вечером поприветствовать наших братьев по ту сторону Карвендельских Альп.

Мы отправились в сторону старой границы. Когда я говорю «мы», то имею в виду унтербан, то есть отряд численностью около шестисот парней.

Пройдя Бад-Тельц, Гмунд-ам-Тегернзе и озеро Тегернзе, мы прибыли в Кройт, пройдя последний этап пути, перед тем как войти в горы.

Всем раздали факелы. Это была разумная мера предосторожности, поскольку в сельской местности было темно, как в железнодорожном туннеле, и стоял густой туман.

– Строиться! Быстрее! Давайте пошевеливайтесь!

Баннфюрер вдруг заорал:

– Парад марш! Вперед, марш!

Мы все последовали за Гассером. Бог знает куда...

Метров через пятьсот мы остановились, к своему немалому удивлению, перед сельским кладбищем.

Раздалась команда:

– Факелы зажигай!

Беда в том, что мы не были готовы к этому!

Мы смогли только обеспечить по одной коробке спичек на пять-шесть парней. Наконец после некоторой суматохи и сердитых возгласов тех, кто обжег пальцы, каждый парень понес горящий факел на вытянутой руке. Разумеется, на вытянутой руке, поскольку мы вскоре обнаружили, что такой факел является идиотским изделием, которое извергает фон-

таны искр и разбрасывает язычки пламени во все стороны, особенно на волосы факельщиков.

Мы прошли через кладбищенские ворота.

Фантастическая сцена. Зловещая когорта привидений, освещенная призрачным светом факелов, марширует среди могил с синевато-багровыми лицами. Факелы отбрасывают вкрадчивые, мерцающие тени среди могильных памятников и крестов, которые в необычном порядке расположились у кладбищенских дорожек.

Гассер приказал образовать вокруг него полукруг и обратился к нам с речью:

– Товарищи! Мы собрались здесь этим вечером отметить вместе со всей страной славную годовщину крушения французского империализма. Наши отцы в 1870 году проложили путь к нашей свободе. Перед лицом безжалостного врага, единственной целью которого было уничтожение нашей бессмертной Пруссии, колыбели Германии сегодняшнего дня, они сражались, не щадя сил, до последней капли крови – и они победили!

Баннфюрер взял короткую паузу. В установившейся вдруг ночной тишине шипение горящих факелов и шум раскачиваемых ветром верхушек деревьев звучали громко и впечатляли до глубины души.

– Оглянитесь вокруг себя, посмотрите на эти железные кресты, под которыми лежат ваши предки, – продолжил он. – Они погибли, чтобы вы могли видеть перед собой ясные горизонты, избавились от страха и очистились от темных миазмов, образовавшихся в трясине международной плутократии.

Гассер еще долго продолжал говорить, но я перестал слушать, потому что был совершенно потрясен и очарован этой неординарной и зловещей сценой. Из черного тумана поднимались с застывшими, эмалевыми улыбками солдаты в бисмарковских островерхих касках и гренадеры в стальных шлемах, сражавшиеся в Аргоне (очевидно, в Верденской «мясорубке» в 1916 г. – *Ред.*). Казалось, они благодарили нас за посещение кладбища, за то, что мы не забыли их жертвы.

Гассер закончил выступление словами:

– Товарищи! Мы должны поклясться следовать дорогой, которую наметили для нас усопшие герои нашей истории. Придет день, когда нам придется включиться в новую битву за освобождение, объединившись под красно-черным знаменем нашего фюрера. С этого самого момента мы должны держать себя в готовности! Хайль Гитлер!

Мы покинули кладбище и, распевая на марше песни, пошли вверх по дороге в ущелье.

Это был трудный подъем, под ногами перекатывались камни, но наши глотки швыряли в ночь слова *Demütigen Befreiung* («Освобождение покорных» Теодора Кеплера):

Что это за огромная тень
Поднимает зловещую руку,
Чтобы мучить наших жестоко угнетаемых братьев?
Это ты – враг гордой Германии.

Вскоре мы увидели, как на нас надвигаются сотни огней.

Мы прибыли на вершину перевала Ахенпас (940 метров) в то самое время, что и австрийский гитлерюгенд.

Мы приветствовали своих австрийских товарищей, высоко подняв горящие факелы.

Глава 4 НАПОЛА

Осень 1938 года. Я вернулся на несколько дней в Виттенберге.

Отца еще не выпустили. Месяц назад его перевели в тюрьму Нойбранденбурга. В этом городе он жил в то время, когда совершил поступки, за которые его осудили.

Я подал заявление директору Национал-политической академии (НАПОЛА) с просьбой о зачислении, когда наступит очередной учебный год. Около двадцати учащихся нашей центральной школы поступили так же.

У меня не было желания стать партийным чиновником. Меня интересовала интересная работа, и при небольшой удаче можно было надеяться стать ортсгруппенлайтером (руководитель местной группы) или, возможно, даже крайсляйтером (районный руководитель).

Мне удалось уговорить Карла и Франца. Они тоже отправили в Берлин заявления с просьбами о приеме в одно время со мной.

Михаэль, однако, решил еще подумать.

НАПОЛА начала действовать только с января 1934 года. Ее цель – воспитание и обучение людей, призванных занять высокие посты в партии, или их подготовка для службы в полувоенных формированиях СА и СС.

Дома стало еще хуже, чем тогда, когда арестовали отца. У меня было желание покинуть его как можно скорее.

Мама плакала весь день напролет. Нас постоянно навещали соседи с утешениями и сочувствием. Это для меня было уже слишком.

Что касается Клауса, то он становился все более несносным. Я не могу его вывести куда-нибудь без того, чтобы он не отличился своим эксцентричным поведением или не цеплялся к людям на предмет выяснения их еврейских корней.

Он называл это беглым расовым просмотром.

Этой теме в его школе посвящен целый курс. Здесь имеет значение форма лица, глаз, зубов, волос, пигментация кожи, стиль одежды, походка, манера разговаривать и так далее.

В случае с женщинами рекомендовано следить за тем, как они держатся, замечать признаки ранней полноты их бедер.

Мой младший брат не поколеблется оскорбить человека, который сочтет его поведение предосудительным.

Вчера, в булочной на Марктплац, он долго наблюдал за тучной фрау, поглощавшей пирожное, пока та не спросила напрямик:

– Молодой человек, может, вы скажете мне, сколько еще вы будете продолжать пялить на меня глаза?

Возмущенный такой дерзостью, он взглянул на нее с высоты своего роста в сто тридцать сантиметров и резко ответил:

– Я выполняю, фрау, возложенную на меня миссию, которая заключается в том, чтобы повсюду разоблачать врагов нашего народа, где бы и когда бы они ни таились.

Что вы об этом скажете?

Мне пришлось промямлить оправдания об отсутствии у брата дисциплины, плохом воспитании и т. д. Дав ему затрещину, я вытащил из булочной своего маленького сыщика, и мы пошли домой.

Эта женщина, жадно поедавшая пирожное, – враг народа!

В самом деле, Клаус явно переусердствовал.

В письме из Берлина мне сообщили, что я принят в НАПОЛА Гольштейна благодаря моему диплому и рекомендациям.

Карл и Франц тоже приняты. Значит, поедem туда, видимо, вместе.

Мы должны явиться в город Плён в Шлезвиг-Гольштейне не позже 6 октября.

На подготовку остается только три дня. Но возбуждение в связи с предстоящим отъездом и прежде всего перспектива обучаться в партийном учебном заведении окрыляют нас.

Вскоре наш багаж готов к отправке.

Последние формальности, наставления – и наш поезд отбывает.

Мы машем на прощание Виттенберге и, отойдя от окна вагона, начинаем петь песни коричневорубашечников, подобно героям пивного путча.

2 ноября. НАПОЛА в Плёне представляет собой старые казармы для унтер-офицеров, использующиеся для новых целей. Они мрачны, холодны и неприятны.

Учебное заведение похоже на унылый сельский пейзаж, холодный и меланхоличный.

Над болотами и каналами с воem дуют бесконечно штормовые ветры, несущиеся изда-лека. Местные крестьяне молчаливы и подозрительны. При встрече они обходят нас, словно прокаженных.

Станный народ. Станный край...

Нам выдали форму НАПОЛА: палевые рубашки, темносерые брюки и повязки со сва-стикой.

Не знаю, для какой цели, но мы должны носить штыкнож, который элегантно свисает сбоку и качается в ритм ходьбе.

Вчера нас подвергли тщательному медицинскому осмотру, вскоре после которого последовал интеллектуальный тест.

Затем нам пришлось бегать стометровку, показывать свое мастерство в прыжках в длину и высоту, в поднятии штанги. В зависимости от достижений нас направляют в мно-гочисленные спортивные группы, которые играют в Плёне важную роль.

Расовую теорию преподает один седобородый старик, для которого богом является Хьюстон Чемберлен (Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927) – английский писатель, эми-грировавший в Германию в начале XX в., явился одним из родоначальников национал-соци-ализма. Гитлер восхищался им и не скрывал того факта, что Чемберлен наряду с Розенбергом воодушевил его на написание «Майн кампф». Чемберлен написал «Основы XIX столетия». Эта крайне расистская книга была весьма популярна в Германии при нацистах. – *Ред.*).

Он входит с бородой, колышущейся ветром, с мрачным выражением лица и чрезвы-чайно важным видом. Быстро проходит к своему столу, взбирается на невысокую платформу и, наконец, поворачивается к нам лицом.

– Доброе утро, господа! Я пришел сюда не для того, чтобы читать лекцию или произ-носить приветственную речь, что, без сомнения, другие уже делали.

Он внимательно вглядывается в наши лица.

– Сегодня, чтобы нам ближе познакомиться, надо начать с краткого изложения основ расовой борьбы в нашей стране, в частности антиеврейской борьбы.

Перед тем как продолжить, он принял угрожающую позу.

– Существуют люди, которые воображают, будто наша ненависть к евреям не имеет реальных оснований и является просто продуктом неразумной озлобленности или обветша-лого милитаризма.

Седобородый (его звали Юлиус Макнер, и я должен был запомнить это) громко смеется и басит:

– Безмерный кренизм! Вредный миф, изобретенный пропагандой прогнивших либо капиталистических стран для их населения, доведенного до животного состояния. Эти страны, обвиняющие нас в противоестественном, бесчеловечном расизме, забывают лишь один факт: не мы начали борьбу против изразитов. Ортодоксальное еврейство преследовалось в течение ряда эпох. Еврей считался врагом Римской империи. В нем видели врага в Древней Греции, в Египте фараонов, в Вавилоне.

Макнер вдруг сходит с платформы и начинает ходить между скамьями.

– Возможно, полагают, что мы, немцы, первый народ, который озаботился чистотой собственной расы. Кто был тем, который заявлял, что кровь предков не должна быть испорченной ни при каких обстоятельствах в целях предотвращения деградации расы? Разве мы? Это были сами евреи.

Он ходит взад и вперед, чуть наклонившись, сцепив руки за спиной.

– Прочитайте «Протоколы сионских мудрецов». Говорят, что это фальшивка! (По другим данным (свидетельства монархиста и лидера черносотенцев Н.Е. Маркова (1866–1945) и др.), «Протоколы» были добыты агентом русской тайной полиции – изъяты в 1897 г. во время I конгресса сионистов в Базеле (Швейцария) из портфеля вождя сионистов Теодора Герцля. – *Ред.*) Какое это имеет значение? Идея, заложенная в них, отнюдь не поддельная. Постоянное притворство, дар вездесущности, которым евреи явно обладают, влияние на общественную жизнь, плодовитость, столь характерная для них, – все это оружие и отравляющие средства евреев.

Макнер возвращается на свое место и садится.

– Вы знаете о тяжелых экономических условиях, которые сложились в послевоенный период. Знаете о большом наплыве евреев с Востока или Ближнего Востока, набросившихся на тело Германии, как шакалы на раненое животное. Вам рассказывали о владении евреями промышленными мощностями, их контроле над банками, их махинациях с целью сокрушить немецкую торговлю. Пропагандистская фикция? Ни в коей мере! Буквальная и неоспоримая правда.

Внезапно он поднимает огромный кулак и обрушивает его с грохотом на стол.

– В «Майн кампф» фюрер подчеркнул, что смешение рас неприемлемо. Нация должна сохранять силу и кровь неповрежденными, если желает побеждать. Причина упадка и вымирания определенных народов заключается часто в их неспособности сохранить свою целостность и беречь свою кровь, не подвергая ее порче кровью иностранцев, которые смешиваются с этими народами и затем уничтожают их.

Он поднимается.

– Господа, на сегодня все. Во вторник мы разберем эти проблемы более подробно.

– Если вы преодолеваете в машине крутой подъем, а двигатель не располагает достаточной мощностью, вы рано или поздно неизбежно остановитесь. Если вы летите на самолете с недостаточной мощностью, то вы не остановитесь, но сломаете себе шею!

Инструктор по планеризму объяснял тонкости своего деликатного искусства, заключавшегося в манипулировании воздушными потоками и высотами.

Мы уже совершили несколько полетов со вторым пилотом, но сегодня должны летать самостоятельно.

Карл уже прошел летные испытания с оценкой «очень хорошо». Поэтому он смотрит на нас с высоты приобретенного опыта.

С важным видом он замечает:

– Чтобы оставаться в полете, следует лишь учитывать, что вертикальные тепловые потоки, которые поддерживают планер, образуются оттого, что некоторые участки поверхности земли теплее, чем другие.

О боже! Мне опять читают лекцию!

Все познавший Карл продолжает:

– Основные правила. Над городами, селениями, скалами, холмами или невысокими горными хребтами тебя заносит вверх. Над озерами, морями или лесами нет восходящих воздушных потоков и нужно ожидать падения скорости.

Вскоре я готов применить на практике эти замечательные теории.

Мне выделен планер «Гессенланд». В последний раз просматриваю инструкции и отмечаю свои действия. Подъем – ручка управления на себя, посадка – ручка управления от себя. Педаль руля и ручка управления вправо – руль и машина движутся влево.

Если я не сломаю себе шею, то только потому, что у меня хорошая память.

Поехали! Пусковой механизм переходит в скоростной режим, и я взмываю вверх как стрела. Стараюсь помнить наставление инструктора. Перемещаю ручку управления от себя, выдерживаю курс насколько возможно...

Сейчас я на высоте 180–200 метров. Восхитительное ощущение! Не слышно ни звука за исключением тихого шелеста воздуха, обтекающего крылья и фюзеляж.

Вижу под собой озеро Гросер-Пленер-Зе. Высотомер показывает, что я набираю высоту. Теперь я вижу все побережье Кильской бухты с островами Фемарн и Лолланн впереди. Но надо следить за тем, чтобы меня не отнесло в море. Медленно делаю вираж влево. «Гессенланд», обтекаемый, как игла, хорошо слушается. Хочу пролететь над окраинами Киля. Увидеть пароходы в канале.

Но прежде чем осуществить это, сознаю, что нахожусь в полете уже почти четверть часа. Надо подумать о посадке.

Она проходит без заминки. Меня приветствуют и поздравляют Франц, Карл и инструктор. У меня легкое головокружение в связи с самостоятельным полетом. В ушах слегка гудит.

Но чего только не сделаешь, чтобы заслужить похвалу друзей?

Этим утром получил письмо от Бригитты. Бедняжка жалуется, что я мало думаю о ней. Очевидно, она плакала, когда писала. Своими письмами она разрывает мне сердце. В них столько трагических переживаний покинутой женщины, столько пятен от слез и всего такого. Достаточно, чтобы почувствовать угрызения совести из-за того, что не любишь писать письма.

Думаю, я не брошу Бригитту ни за что. Но она явно не может понять, что в условиях нашей дневной загруженности очень трудно выкроить минутку для написания писем.

Воскресенье – день, который я не забуду. Франц, Карл и я поехали в Гамбург.

Ганзейская столица – шумная, грязная, дымная и деятельная. Вечером Карл захотел посетить знакомый кабак в Санкт-Паули.

Этот ночной клуб близ пристани Ландунгсбрюкен фактически был борделем. Вся его атмосфера наводила жуть. Едва мы ступили туда, как были ангажированы тремя хозяйками. «Хозяйки» – их точное определение, так как их целью было обеспечить нам гостеприимство в своих постелях.

Очень трудно было отказать им в напитках, которые они так любезно предлагали захватить с собой.

Через несколько мгновений одна из этих грациозных фрейлейн легкого нрава попыталась обвить мою шею руками. Я мягко отстранился. Не привык к фамильярностям такого рода.

С другой стороны, Франц и Карл, казалось, уступали им с отталкивающим видом отсутствия разборчивости. Я захотел пресечь это. Мне не нравятся такого рода пошлые забавы.

Я встал и сказал:

– Пойдемте, парни? Хотелось бы подышать свежим воздухом.

Франц сразу поднялся, однако Карл, уже прилично набравшийся, глядел на меня мутным взглядом.

– Но здесь хорошо! – возразил он.

Он повернулся к своей роковой женщине и добавил:

– Да и Грета очаровательна! Ты ведь ласкова, правда, Грета? У тебя чудные волосы, прелестный ротик и груди, крошка...

Он заходил далеко, и наступил момент действовать. Я подал знак Францу, и мы попытались взять Карла под руки. Но девицы не желали сносить это. Одна из них вскочила и заголосила:

– Оставьте его в покое, болваны! Раз вы еще не мужчины – хотя в вашем возрасте пора ими быть, черт возьми, – то зачем мешать ему забавляться, если он хочет?

Все остальные в комнате уставились на нас насмешливыми взглядами. Нашему благоумию и достоинству студентов государственного учебного заведения был нанесен серьезный урон.

Я побледнел и с трудом сдерживался. Но старался отвечать спокойным голосом:

– Вы не видите, в каком состоянии мой приятель? В общем, нам нужно вернуться в казарму.

– Только послушайте его! Приятель, оказывается, не в норме. И пришла нянька, чтобы забрать его домой, да будет благословенно ее доброе сердце! Вы скорее просто компания напуганных юнцов, которые не знают, как себя вести, когда находятся рядом с женщиной.

Девица расхохоталась вульгарным хриплым смехом, обнажив порченные зубы.

– И еще хотят построить с такими сосунками новую Германию! Если бы фюрер увидел сейчас вашу дрожь, он, конечно, наградил бы вас Железным крестом 2-го класса!

Теперь настала моя очередь отвечать в ее духе.

– Фюрер, – сказал я, – категорически запрещает любому члену гитлерюгенда мараться совокуплением с такими шлюхами, как вы!

Девица промолчала. С раздраженным лицом она вертела головой, ища поддержки со стороны своих компаньенок.

Однако они, видимо не желая скандала и прибытия полиции, предпочитали держать язык за зубами.

Мы снова подхватили Карла, который явно находился в полусне, и вывели его – не без труда.

В борделе его мутило, снаружи ему стало немного легче.

Таксист довез нас до вокзала, откуда мы вернулись, как могли, в Плён.

Заканчивался 1938 год.

Позавчера мы отмечали в большом арсенале Рождество. Там присутствовали все студенты нашего учебного заведения, и каждому из них предназначались кусочек гуся, полбутылки вина, вдоволь пирожных и конфет, а также речь штандартенфюрера СС Курта фон Берштольда, директора НАПОЛА, и фото, на котором обмениваются рукопожатиями Шир и Геббельс.

Елку украсили сотнями разноцветных электрических лампочек и в полночь включили их.

Думаю, многие из нас, должно быть, вспоминали рождественскую песенку из детства:

Stille Nacht,
Heilige Nacht...

(Тихая ночь, святая ночь...)

Карл, Франц и я по-глупому обнялись.

Уединившись в углу зала, мы взяли за руки и поклялись той ночью быть верными нашей дружбе, что бы ни случилось.

16 марта 1939 года. Зима постепенно подходила к концу. Месяц прошел за месяцем, день за днем. Зимний сезон следовал своей природе: поля освобождались от снежного покрова, таял лед, сковывавший реки, лютики поднимали головки. Наступала весна...

Мне только девятнадцать лет.

Это вряд ли кому-либо интересно, но чрезвычайно важно для меня, ибо предстоящий год, несомненно, решит мое будущее.

Еще в прошлом месяце штандартенфюрер СС фон Берштольд собрал нас на парадном плацу, чтобы сообщить нам важные новости.

Он сказал, что по критерию успеваемости будут отобраны тридцать студентов, которые пройдут курс обучения в Орденсбурге. (Полное название Блуторденсбург (цитадель чистоты крови) – образовательный центр нацистского режима, где готовили будущую элиту Германии. – *Ред.*)

В этом списке мы трое.

Отобраным студентам дается два дня для того, чтобы принять или отвергнуть предложение, потому что в Орденсбург должны ехать только добровольцы.

Мы переглянулись. Минута – и решение принято.

Мы согласились.

Глава 5 ФОГЕЛЬЗАНГ

Замок Фогельзанг, апрель 1939 года. Орденсбург помещается в старом средневековом замке на берегу небольшого горного озера посреди Айфеля. (Айфель (Эйфель) – часть Рейнских Сланцевых гор к северу от р. Мозель на западе Германии. – *Ред.*)

Окрестности весьма живописны. Небольшие долины, сосновые рощи и равнины, простирающиеся до Ахена.

Позади замка густой лес. Из каждой комнаты слышен шум стремительных горных потоков, несущихся вниз.

Здесь, в Фогельзанге, рай для юнкеров (дворян).

Такой рай, однако, не сулит бессмертия. Сразу за флигелем располагается кладбище впечатляющих размеров с тысячами могильных холмиков, поросших цветами. Черных крестов и мемориалов больше, чем на поле боя.

Очевидно, в Орденсбурге производят много смертей.

Нам нужно было провести три месяца предварительной подготовки в Кроссинзе. Но шестерых из нас благодаря отличным характеристикам гитлерюгенда направили прямо в Фогельзанг.

Здесь мы будем проходить трехмесячный подготовительный курс. То есть в этот период нас надо было считать не студентами, но «наблюдателями на инструктаже».

Прежде чем быть принятым в юнкеры, вам должно исполниться по крайней мере двадцать пять лет и вы должны иметь опыт партийной работы.

По прибытии мы подверглись тщательному медицинскому и расовому обследованию. Возможно, этого не будет в двух других замках, где нам придется провести некоторое время.

На впечатляющем мероприятии присутствовали два майора медицинской службы, комендант замка и около десяти человек в белых халатах.

Нас это мероприятие не особенно впечатлило.

Мы подверглись осмотру в совершенно голом виде разными инквизиторами, которые также с пристрастием допрашивали нас.

Всем этим господам пришлось ознакомиться с захватывающими сведениями о том, что меня зовут Петер Нойман, что родился я 16 марта 1916 года в Гамбурге, что мой рост составляет 180 сантиметров и что я хорошо сложен и светловолос.

На одном из этапов мне пришлось стоять перед господином в штатском костюме, который неожиданно вперил взгляд в мой нос и изрек:

– Имеете ли вы родственников евреев или еврей сами? Ваш отец еврей? Ваши родители работали когда-нибудь на евреев?

Мне показалось это странным, потому что те же самые вопросы мне задавали много раз в течение последних нескольких лет.

Я принял беспечный вид и дал отрицательный ответ.

– Имеете ли вы судимости?

– Нет.

– Занимались ли вы когда-нибудь политической деятельностью, не отвечающей партийным установкам?

– Нет.

Удовлетворившись ответами, инквизитор отослал меня к следующему дознавателю.

– Чем болели?

Что тут скажешь? Я назвал наугад корь, скарлатину и прочие детские недуги.

Затем последовали проверки зрения, зубов (отмечался малейший признак появления кариеса), измерения веса и грудной клетки, рентген.

В конечном счете во мне не обнаружили ни тени врожденных дефектов или признаков потенциальных расстройств.

Мы с Францем остались очень довольными тем, что нас оценили достойными посещения лекций по внушительному курсу чистоты крови. Я говорю «мы с Францем», потому что беднягу Карла отослали в Кроссинзе. Он не выдержал проверки и не получил разрешения ехать прямо в Айфель.

Этим утром мы слушали лекцию о происхождении свастики и причинах принятия ее в качестве символа национал-социализма.

С кусочком мела в руке молодой профессор в мундире СС пояснял:

– Цифра семь у древних, как и в германской мифологии, была знаком успеха и процветания. Здесь две семерки.

С этими словами он написал на доске две цифры, затем снова повернулся к нам:

– В рунических письменах цифра семь имела в дополнение к известной форме горизонтальную черточку снизу направо. Таким образом, – продолжал он, – мы получаем две составные части свастики. Если теперь мы наложим одну цифру на другую в виде креста, то получим полную свастику. Как видите, она выражает символ двойного успеха. Само слово «свастика» из древнего индийского языка («су» – «прекрасный», «асти» – «быть» (*санскр.*) – *Ред.*) и тоже означает успех и процветание.

Все это вызывало большой интерес. То, что последовало далее, было еще интереснее.

– Фюрер, – объяснял профессор, – пришел к идее свастики, когда был ранен и наполовину ослеп в результате атаки отравляющими газами на фронте. Он лечился в госпитале в городе Пазевальк в Померании. Фюрер рассказывает, что как только военные врачи сняли с его глаз повязку, то он увидел прежде всего каменную свастику, выложенную на арке прохода в палату, в которой он лежал. Через несколько месяцев, 8 августа 1918 года, узнав, что наш фронт прорван англо-французскими войсками, он понял, что война проиграна. В этот день он поклялся отомстить за оскорбление, нанесенное флагу германского рейха, и решил принять свастику в качестве символа своего зарока.

Мы слушали с неослабевающим вниманием. Эсэсовец снова повернулся к доске и начертил несколькими штрихами партийный символ.

– Однако наш фюрер не верит в амулеты и прочие предрассудки. Поэтому он взял крест и создал настоящую свастику, то есть вечный знак силы и разрушения у древних.

Профессор спустился по ступенькам, которые отделяли его стол от класса, и направился к нам.

– Свастика Гитлера позднее была изогнута на партийных повязках и знаменах, чтобы символизировать неумолимое вращение колеса судьбы. Нацистский крест поместили в белый круг, выражающий чистоту, а сам круг вставлен в алый прямоугольник, подчеркивающий пролетарское происхождение НСДАП.

Он взял паузу, постоял в своих чисто начищенных ботинках, как бы сосредотачиваясь.

– Хотя слово «свастика» индийского происхождения, это чисто германский символ. (Свастика как символ присутствует у всех индоевропейских народов, в том числе у славян (одно из славянских названий – «коловрат»). Вместе с индоевропейскими колонистами и миссионерами (например, буддийскими и индуистскими) свастика проникла также в Китай, Индокитай, Японию и др. Но подчеркнем еще раз: родина свастики там же, где и прародина индоевропейских (арийских) народов – степи и лесостепи между Днестром и Алтаем, откуда индоевропейцы широко расселились и, в частности, захватили после 1600 г. до н. э. Индию, принеся туда свастику (а не наоборот). – *Ред.*) Она выгравирована на стенах многих замков

Тюрингии и Саксонии. Она изображена на значках Вандерфогеля (молодежное движение до Первой мировой войны). Кайзер Вильгельм II приказал изобразить ее на своем гербе, которым он отмечал свои личные достижения. И даже германский император Карл Великий приказывал вышивать свастику на одеждах придворных.

Он вернулся на место и, приняв вдруг суровый тон, заключил свое выступление словами:

– Вот почему вы должны чтить этот вечный символ единства и целостности нашей страны в любых обстоятельствах, а также защищать его ценой собственной жизни.

Боевая подготовка ужасает.

Вчерашним полуднем мы наблюдали ожесточенные бои между специально подготовленными эльзасскими псами и юнкерами.

Это происходило на широких степных склонах, спускающихся к озеру. Были привезены четыре клетки с собаками, и по сигналу открыли их дверцы. Собаки, как бешеные, бросились на наших кандидатов. У последних не было никаких средств защиты от разъяренных псов.

По условиям испытания, объекты нападения могут осилить собак благодаря специальной подготовке только через десять минут или около того.

Но если люди способны сдерживаться, то собаки нет. Одному из испытуемых собака вгрызлась в плечо, из поврежденной артерии хлестала кровь.

Он настаивал, однако, чтоб никто не трогал пса.

Я считаю это нормальным. Псы возбуждены, пока они не успокоятся, следует принимать возможные последствия.

Это своеобразное упражнение, которое способствует «формированию характера» в Фогельзанге.

Другое упражнение заключается в объезде лошадей.

Это происходит как на Диком Западе. Но есть разница: лошади – только дикие, потому что специально выращены такими.

На конных заводах Тюрингии отбираются очень молодые жеребцы. Специальный способ воспитания быстро прививает им агрессивные свойства, присущие их предкам. Цель упражнения состоит в том, чтобы укротить жеребцов одной мускульной силой, не пользуясь седлом. Я сам пытался позабавиться подобным образом.

Небольшой арабский жеребец, такой же породистый, как годовалый Тиршенройт, фыркал от нетерпения в предвкушении будущего хозяина. Или будущей жертвы.

Франц старался, как только мог, отговорить меня от этого самоубийства. Но за сценой с саркастическими улыбками наблюдали около десяти «коричневых рыцарей». (Так называли студентов Орденсбурга, поскольку они представляли элиту коричневорубашечников, первых членов партии.) Я не собирался выносить их насмешки. Поэтому резко бросился на спину животного, схватившись одной рукой за гриву и стараясь поймать другой рукой уши несчастного животного.

Говорю «стараясь». Это походило на сидение в котле локомотива, который сбит с виадука бомбой. Прежде чем можно было посчитать до трех, я оказался на земле, гадая, какие слова нужно подобрать, чтобы оправдать мою неопытность.

Я определенно не готов быть тренером диких лошадей.

На прошлой неделе меня томила одна мысль: Штутгарт... Любой ценой я должен попасть в Штутгарт.

В последний раз я видел Бригитту более шести месяцев назад. Меня обуревало стремление целовать ее каштановые волосы, пахнущие пьянящими духами, и вдыхать ее аромат, аромат свежей, здоровой девушки.

К сожалению, Штутгарт находится почти в трехстах километрах от Фогельзанга. К тому же добраться туда можно было, сменив поезда два-три раза. Триста километров туда и триста обратно. Это будет трудно сделать за один день, особенно в воскресенье.

А воскресенье – наш единственный свободный день.

Но я должен попытаться, и предложил Францу съездить вместе со мной. Его реакция меня не обрадовала.

– Ты что, псих? Шестьсот километров туда и обратно, полдюжины пересадок с поезда на поезд и возвращение сюда к перекличке. Это совершенно невозможно.

Возможно или нет, но я сгораю от нетерпения почувствовать губы Бригитты, еще сохраняющие тонкий вкус спелой смородины, который я так люблю.

– Не беспокойся, я все уже продумал! – ответил я.

На самом деле я ничего не продумал, и мне придется как можно скорее заняться этой проблемой броска по пересеченной местности.

И вот в воскресенье, в три часа утра, мы оказались на небольшой лесной дороге, ведущей в Цюльпих.

Как нам попасть на вокзал, находящийся на расстоянии двадцати километров от нас, до прибытия автобуса на Бонн? Это другая история.

Орденсбург мы покинули в полночь, попросив кого-то откликнуться за нас на 9-часовой перекличке.

Мы отнеслись к этому без особой тревоги. Воскресные утренние переклички, как правило, не строги.

Труднее всего было не привлечь к себе внимания часовых, охраняющих главный вход в Орденсбург. Нам пришлось взобраться на вал и перебраться через ров по заброшенному мосту, заросшему сорняками и шиповником. Фогельзанг – настоящий средневековый замок, вполне подходящий для какого-нибудь впечатляющего фильма.

Далее надо было пробраться через лес, заботясь о том, чтобы двигаться в правильном направлении, потому что в глубине леса уже располагается граница с Бельгией.

Через три часа хождения по пересеченной местности через густой подлесок, лес и распаханые поля мы прибыли как раз в тот момент, когда автобус на Бонн скрылся за горизонтом. Ничего не оставалось, кроме как плюхнуться на скамью железнодорожного вокзала и ожидать поезда в семь тридцать.

К сожалению, в половине седьмого платформу заполнила шумная толпа местных крестьян, направляющихся в Бонн или Кобленц со своими пакетами, клетями с гусями, цыплятами и даже поросятами. Все это, без сомнения, предназначалось городским родственникам. Сидеть в поезде среди этого скопления разнообразных плетеных корзин, чемоданов и мешков, среди суевающейся, орущей и смеющейся публики было не просто.

Бонн был первым местом пересадки. Подземные переходы гулко отзывались на топот ног пассажиров, спешивших, как и мы, поймать экспресс на Карлсруэ. Экспресс с замечательной точностью отошел в положенное время. Через несколько часов мы снова сделали пересадку. В два часа дня мы прибыли наконец в Штутгарт.

Обстановка в городе спокойная. Очевидно, горожане еще не начали сезон своих обычных воскресных экскурсий. Городские автобусы были пустыми. Франц, прижавший нос к стеклу, должно быть, считал, что дело сделано. Он вдруг повернулся ко мне и заявил, что не собирается сопровождать меня к дому Бригитты. Мы договорились встретиться в семь часов вечера на Главном вокзале.

Он вышел на первой остановке, решив провести полуденное время в каком-нибудь из кинотеатров. Удачи ему... Трясущийся автобус продолжил свой путь с неприятным металлическим скрежетом, и через несколько минут я тоже выбрался из этой жестяной колымаги на углу Шарлоттенплац и Неккарштрассе.

Нечто, о чем я до сих пор не подумал, вдруг заставило меня покрыться холодным потом. Что, если Бригитты не окажется дома?

И даже если она дома, там будут и ее родители! Как я смогу избавиться от них и остаться с ней наедине?

Городской район производил угнетающее впечатление. В нем царила безотрадная, мрачная атмосфера, почти зловещая. Длинные ряды убогих, однообразных домов с балконами, увитыми плющом. Всюду маленькие мишурные магазинчики.

Урбанштрассе, 37.

Я позвонил в дверь и через несколько секунд услышал звук хлопающих ставен над головой.

– В чем дело?

– Фрейлейн Халстед, пожалуйста.

– Она здесь живет. Чего вы хотите, герр?

– Я ее друг. Хочу увидеться с ней.

Глубоко внутри я не был уверен в себе. Как меня примут ее родители? Если бы они только знали! Любовник их дочери пришел навестить ее, словно настоящий жених.

– Входите, герр! Второй этаж направо, – пригласил голос.

Дверь открылась автоматически. Я поднимался по ступенькам, прикидывая, что я им скажу. Через секунду или две я столкнулся лицом к лицу с Бригиттой. Покраснев в смущении, она представила меня пожилой паре, глядевшей на меня подозрительно.

Казалось, моя форма их удивляла. Странные люди. Они выглядели встревоженными, почти испуганными. Затем я вдруг понял почему.

– Петер Нойман, старый школьный друг, – сказала Бригитта.

– Рады видеть вас... герр, – с трудом выговорил герр Халстед.

– Герр Халстед, извините за то, что помешал вам завершить воскресный обед, но мне не часто приходится проезжать через Штутгарт. Хочу провести с Бригиттой послеполуденное время. Вы не будете возражать?

Старик повернулся к дочери:

– Конечно, если Бригитта хочет. Но я...

– Да, папа, – прервала его Бригитта. – Все в порядке. Во всяком случае, мне не хочется гулять с Ханной. Скажи ей, что ко мне пришел гость и пригласил меня на прогулку. Через минуту я буду готова! – добавила она с лучезарной улыбкой в мой адрес.

Через десять минут мы спустились по лестнице. С улицы Бригитта помахала рукой родителям, которые наблюдали, как мы уходим. Я сдержанно держал ее под руку, как подобает достойному школьному товарищу.

Когда мы повернули за угол, я обнял и поцеловал ее.

– Бригитта! Милая... Как долго я ждал этого момента.

Ее губы прижались к моим. Затем поцелуй прервался, и она улыбнулась:

– Петер, родной! Я так хотела тебя увидеть. Месяцами я ждала, что ты придешь!

Я наклонился к ней.

– Ты хочешь этого?

Она слегка покраснела и моргнула в знак согласия.

Мы отправились в небольшой отель на Ольгаштрассе. Регистратор окинул нас удивленным взглядом, вероятно поражаясь нашей молодости или моей форме. Я чувствовал себя неловко, оплачивая номер. Что касается Бригитты, то она покраснела и отвернулась, чтобы скрыть свое смущение.

Женщина-привратница повела нас вверх по лестнице. Мы шли за ней, взявшись за руки. Я едва сдерживал безумное желание рассмеяться. Должно быть, мы выглядели весьма непристойной парой!

Как только за нами закрылась дверь, Бригитта сняла туфли и легла на кровать. Я сел рядом с ней. Она часто дышала.

– Петер. Я так тебя люблю.

Время пронеслось невероятно быстро.

Но с приближением вечера я не мог не спросить ее о том, что беспокоило меня с начала полудня.

– Твои родители, случаем, не евреи?

Она пристально посмотрела на меня, затем побледнела.

– Да, Петер. Я хотела тебе сказать об этом как-нибудь, но какое это имеет значение?

Слезы навернулись на ее глаза.

Я запустил руки в густые волосы Бригитты и повернул ее лицо к себе.

– Никакого, Бригитта. Я люблю тебя.

Часы показывали уже пол седьмого. Пора было возвращаться.

Я проводил ее домой и за несколько минут до семи обнаружил Франца в большом волнении. Он неистово махал рукой со ступеньки вагона поезда, который собирался вот-вот отойти.

В два часа утра мы наконец вернулись в Фогельзанг.

Согласно вчерашним приказам, нам больше нельзя пользоваться умывальниками.

Надлежало пробегать два километра и купаться в горной речке.

Приказы высшей инстанции всегда направлены на то, чтобы закалять наши характеры. Однако те, кто издает такие приказы, сами явно не испытывают желания морозить свои пупки в глубине леса.

По мнению ветеранов, мы еще ничего не видели. Их уже лишали сигарет на долгое время. В июле прошлого года порцию еды уменьшили вдвое на целый месяц в наказание за какое-то нарушение дисциплины. Прошлой зимой их будили по ночам для проведения занятий в глубоком снегу.

Да, «коричневые рыцари» знали, что их ждет, перед тем как ехать в Орденсбург. Но все равно...

«Железная дисциплина. Полное подчинение», – гласят лозунги. Партия недаром заботится о том, чтобы кадет сбросил с себя груз гражданского прошлого. Сбросил все, даже свои долги, неоплаченные налоги. Партия гарантирует их оплату. Цель этого фактически заключается в том, чтобы освободить будущих юнкеров от любых связей с прошлой жизнью. Мелочные материальные проблемы не могли отягощать или служить препятствием тем, кому суждено управлять Германией. Их семьи получают ежемесячные приличные субсидии, от ста до трехсот марок, в зависимости от обстоятельств.

Сегодня групповые упражнения и практика стрельбы из пулеметов.

Инструкторы говорят, что будем стрелять боевыми патронами.

Нам выдали стальные шлемы, командиры подразделений получили приказы, рассредоточили по опушке леса атакующие группы.

Вырыли окопы нужного профиля. Приказы ясно давали понять, что окопы не должны быть заметными для вражеских разведчиков. Их следовало замаскировать, поэтому рабочая команда до утра подвозила специальные сетки и ветки деревьев.

Чтобы создать дополнительные трудности, на условной «ничейной» полосе протянули проволоочное ограждение. Тем, кому предстояло его резать, выдали ножницы для проволоки.

Резать проволоку под огнем боевыми патронами. Это уже кое-что!

Сигнальная ракета вспыхнула, затем медленно погасла.

Зеленая ракета. Вот сигнал, которого мы ждали.

Начали ползти по-пластунски на территорию красных – нашего противника.

Мы не проползли и сотни метров, как в нескольких метрах замаячило проволочное заграждение, а когда пулеметы повели огонь длинными очередями, в ушах зазвучал свист пуль.

– Прижимайтесь к земле, дурни! – заорал руководитель учений с черной повязкой группе в полдюжину придурков, бежавших к колючей проволоке.

Внезапно вокруг нас все загрохотало, одни снаряды рвались, другие с воем приближались. Артиллерийский обстрел!

Мы с открытыми от изумления ртами глядели друг на друга. Дело действительно приобретало серьезный оборот! Стараясь определить, откуда именно исходил грохот, я вдруг понял. В кронах деревьев спрятали громкоговорители, и мы слышали лишь звуковой эффект реального сражения. Ну, как в кино!

Мы преодолели проволочное заграждение.

Целью нашей атаки было два пригорка. Один мы взяли. Другой оборонялся более упорно. Два «коричневых рыцаря», которые опрометчиво подняли головы, были подстрелены.

Пронзительные стоны от боли, крики и ругань командиров отделений, санитары... В мгновение учения прекратились.

Позже мы узнали, что один из парней умер на пути в лазарет. Состояние другого парня, раненного в глаз, было критическим.

Этим двум парням не повезло – и всем нам в связи с этим, – поскольку им предстояло на следующей неделе завершить обучение в Фогельзанге.

Вчера нам оказал большую честь своим посещением один из руководителей рейха Рейнхард Гейдрих.

Он сделал нам смотр и заявил, что удовлетворен нашей военной выправкой.

Гейдрих выглядит поразительно молодым для такого поста и очень высок. На нем палевый мундир, на боку – длинная сабля с серебряными кисточками.

Он произнес перед нами грозную речь, перемежавшуюся довольно непристойными ругательствами и угрожающими жестами поднятым кулаком.

– Время колебаний кончено, – разбушевался он. – Очень скоро мы начнем войну за освобождение, борьбу за жизненное пространство. Мы должны победить, и мы победим. Германия сейчас достаточно сильна, чтобы одолеть те страны, которые посмеют сопротивляться ее справедливому требованию...

Его красноречие приветствовало массовое «Зиг хайль!».

Мы прошли парадным шагом с равнением налево и пением «Treue und Treue» («Верность! О, верность»).

Глава 6 ЗОНТХОФЕН

28 августа 1939 года. Замок Зонтхофен. В течение двух последних дней немецкие десантники вели бои с польскими парашютистами, напавшими на радиостанцию в Глейвице. (Грязная провокация, организованная немцами, – нападение изображали немецкие уголовники, переодетые в польскую военную форму. Позже их ликвидировали. А немецкие спецподразделения, не получившие от фюрера в последний момент распоряжения об отмене первоначального приказа о начале боевых действий, вели бои на границе с Польшей с 26 августа. – *Ред.*)

По общему мнению, в течение нескольких дней Польша будет стерта с географической карты.

Западные державы, несмотря на гарантии правительству Варшавы, разумеется, не посмеют начать наступление. Они снова постараются найти компромисс.

Наш фюрер определенно великий дипломат.

Кроме того, вся Германия поняла, что пакт, подписанный с Россией 23 августа, заставит Англию и Францию хорошенько подумать.

Зонтхофен сильно отличался от Фогельзанга.

Замок расположен среди величественного горно-лесного ландшафта, у подножия гор на юге Алльгой (географическая область на юге Баварии восточнее Боденского озера. – *Ред.*).

Высокий серый фасад замка гордо возвышается над долиной. Здесь необычная атмосфера – величавая, суровая, возвышенная, великолепная.

Но преобладает железная дисциплина.

Около двадцати человек из нас прибыли из Мюнхена. Как только вышли, попали под команду партийного инструктора в черной повязке, который отнюдь не выглядел добродушным.

– Строиться здесь! Поторапливайтесь! Давайте, шевелитесь!

Когда мы построились позади, он заорал, как сумасшедший:

– К воротам! Налево! Шагом марш. Левой-правой, левой-правой, левой-правой...

Нам показали, где мы будем спать по восемь человек на комнату – на нарах в несколько ярусов. Из широких окон эркеров открывается великолепный вид.

Через два часа после нашего прибытия началось предварительное опрашивание. Теперь мы были к этому привычными.

В этот первый вечер мы с Францем смотрели, опершись локтями на парапет, на долину. В отдалении виднелись городок Имменштадт-им-Алльгой и озеро (Альпзе. – *Ред.*). Горизонт простирался до Черного хребта (горная гряда севернее, высота до 1118 м. – *Ред.*).

– Подозреваю, что это не будет просто пикником, – пробурчал Франц.

– Ну, можно ко всему привыкнуть. Во всяком случае, нам придется чем-то пожертвовать, если мы хотим получить достойную работу в партии.

2 сентября 1939 года. Танковые дивизии вермахта наступают на Варшаву.

Фюрер проигнорировал ультиматум западных держав.

Это – война.

Новости, приводящие в трепет. Началось сражение с международным еврейским капитализмом, который пытается воспрепятствовать нашему прогрессу!

Штурмбаннфюрер СС Гризель, комендант Орденсбурга, собрал всех нас на просторном внутреннем дворе, на самой верхней из трех террас.

– Товарищи! – начал он дрожащим от волнения голосом. – Вы слышали новости. Англия и Франция оказались достаточно неразумными, объявив нам войну (Англия и Франция объявили войну Германии 3 сентября. – *Ред.*). В стране мобилизация. С этого дня мы должны посвятить конечной победе всю свою энергию. Но ваши сегодняшние обязанности состоят не в боях на границах. Нет, нужно закончить обучение здесь и так, чтобы в то время, когда вы примете участие в битве, у вас была полная политическая, военная и стратегическая подготовка, которая позволила бы вам уничтожить врагов.

Подняв высоко обе руки, Гризель заставил умолкнуть многоголосый шум.

– Товарищи! Вы будущие офицеры армий, которые завтра займут Лондон и Париж. Готовьтесь быть достойными доверия, которое оказывает вам страна!

Воспользовавшись несколькими часами отдыха, мы с Францем зашагали по лесной дороге, ведущей в Хинделанг.

– Все равно это смешно, – сказал вдруг Франц, улыбнувшись.

– Что смешно?

– Решение Франции и Англии заступиться, – продолжил он, поворачиваясь ко мне. – Когда начинаешь думать об этом, хочется верить, что нацизм родился благодаря им!

Я покачал головой, поджав губы.

– Мм... полагаю, ты имеешь в виду Рейнскую область?

Отведя руки за спину, он стал говорить сам с собой, словно был один:

– В 1918 году обстановка для нас складывалась паршиво. Народ был на пределе. Идея революции носилась в воздухе. Государственный долг из-за расходов на войну страшно вырос. Торговля переживала застой. – Он вытянул губы. Размышлял. Затем снова заговорил: – Возможно, если бы французы сыграли тогда свою партию в карты правильно, это привело бы к окончанию традиционной вражды.

– Но это было бы прискорбно, – вмешался я. – Я имею в виду потерю Эльзаса и Лотарингии, а также многого другого.

На его лице появилась ироническая усмешка.

– К счастью для нас, во Франции имеются блестящие государственные деятели. И уйма дальновидности и интуиции. Им было достаточно малейшего повода, чтобы вновь оккупировать Рейнскую область и установить свою администрацию на шахтах. Так они оправдывали это.

Я бросил на него удивленный взгляд. Мне самому довелось подробно изучать этот вопрос, но не приходило в голову, что Франц, мечтатель, тоже интересовался этим.

– Итак, механизм был запущен, – возобновил монолог Франц. – 11 января 1923 года французы двинулись из Вупперталя в Висбаден. 26 января правительство Куно санкционирует всеобщую забастовку. Рабочие, лишенные средств к существованию, толпятся у заводов и шахт. Для подавления забастовки французы посылают войска. Главным образом отряды сенегальцев.

Незаметно для себя мы заходим глубоко в лес Хинделанга. Над нами поют птицы. Мы присели на мшистый ствол дерева. Я вынул пачку сигарет и предложил ему одну.

– С этого момента французы потерпели поражение. – Он усмехнулся, беря сигарету. – И все же в то время умы, оглушенные войной, были почти готовы принять эволюционную политику франко-германской дружбы.

Он наклонился прикурить, затем выпрямился, выпустив облако дыма.

– Но старая вражда возобновилась. Еще сильнее, чем прежде. Потому что наш народ не мог принять унижение в связи с передачей Рейнской области под власть чернокожих войск (французские части, набранные из африканцев. – *Ред.*). Хуже того. На этот раз французы, которые никогда не упускали случая обвинить нас в вероломстве, преднамеренно нарушили

различные договоры и соглашения. Даже их бывшие союзники осудили действия Пуанкаре – американцы, англичане и канадцы. Не говоря уже о том, что выразили протест Швейцария и Ватикан.

В подлеске дул прохладный ветер с гор. Мы поднялись и пошли дальше.

– Мне известно окончание этой истории, – пробурчал я. – Нищета, а для ее преодоления печатание огромной массы бумажных денег. Словом, инфляция. Со всеми последствиями, внутренними, социальными и экономическими угрозами. Германия неумолимо двигалась теперь к пропасти.

– И Пуанкаре мог праздновать победу!

Мы дошли до тройного ряда заграждений из колючей проволоки, который окружал Орденсбург. Перед нами лежала вся горная цепь за городом Оберстдорф, под ногами мелькали красные крыши городка Зонтхофен. Далее в лучах заходящего солнца сверкала изумрудно-зеленая, длинная полоса озера западнее городка Имменштадт-им-Альгой.

Франц умолк. Казалось, унесся в мечтах вдаль.

Внезапно он повернулся ко мне:

– Я балаболит, словно воспроизводит урок, который прослушал. Но это правда, Петер. Помнишь разговоры, которые мы, бывало, вели в школе? Ты говорил, что человек должен обладать силой для достижения цели в жизни, что у него должна быть какая бы то ни было задача. Для того чтобы понять это, мне понадобилось много времени. Я много читал. И теперь понимаю, почему мы должны безоглядно следовать за фюрером. Он один нашел в себе мужество подняться над хаосом в Германии. Именно в то время он реально вступил на путь борьбы, которая должна была привести его к власти. Благодаря этому времени и этому хаосу он достиг того, чем сейчас является.

Я слегка улыбнулся:

– Итак, ты думаешь, что оккупация Рейнской области французами стала реальным исходным пунктом развития национал-социализма? Именно они создали нацистское движение? Мы должны их вечно благодарить за это, так?

– Я не захожу так далеко, – возразил он с улыбкой. – Но уверяю тебя, что здесь больше, чем крупица правды.

Инструкторы НСКК учат нас вождению бронетранспортеров «Бенц» на любой местности, а также их содержанию и ремонту (НСКК – National Sozialistische Kraftfahr Korps (Нацистское объединение автомобильных водителей и инженеров). – *Ред.*).

Огромные машины, ревущие и грохочущие, продвигались по лесным дорогам. Часто встречаются болота, и нам нужно использовать весь свой ограниченный опыт, чтобы не увязнуть в трясине.

Инструкторы НСКК учат нас также вождению танков на любой местности. Сидя в броневой машине весом почти в 15 тонн (скорее всего, это были устаревшие Pz I весом несколько более 5 тонн. – *Ред.*), мы пробиваемся через лес по едва заметным лесным дорогам, которые ведут к перевалу почти в 1200 метров над уровнем моря. Сначала берем склоны под тридцать градусов на полной мощности двигателя.

Из Берлина поступили, должно быть, новые указания. Обучение становится все более и более жестким, даже жестоким.

С сентября число смертей в результате несчастных случаев увеличилось до тридцати двух.

Как и в Фогельзанге, кладбище Зонтхофена постепенно заполняется могилами, усыпанными цветами.

Слабые здесь обречены. Лишь те, которые выживают, смогут образовать часть национал-социалистической элиты.

Когда инструктор издает резкий свисток, мы должны приступать к рытью окопов за определенный отрезок времени.

Нас около дюжины, у каждого лопата. Мы начинаем копать как угорелые. Ведь перед нами стоит в ожидании десятков бронетранспортеров «Бенц», их двигатели медленно работают на холостом ходу.

У нас двадцать минут на то, чтобы вырыть себе убежище, которое спасет жизнь. Здесь каждый за себя. Мы больше не товарищи.

Мой взгляд сосредоточен на лопате, которая кажется невероятно тяжелой. Я отбрасываю огромные ломти земли. Яма медленно расширяется, слишком медленно, ужасно медленно. Начинают болеть ладони. От жесткой рукоятки лопаты сходит кожа на пальцах.

Не важно, я должен копать, копать и копать.

Слышу работу двигателя поодаль, зловещий и страшный рев.

Началось! Они пришли в движение, продвигаются прямо на меня. Водителям приказано не обращать внимания ни на кого, ни на тех, которые замешкались, ни на тех, которые оказались на пути по глупости. Они неумолимо с грохотом наползают на наши одиночные окопы.

Парни с дикими криками бросаются в вырытые ямы, зарываясь в землю, погружая лица в сырую глину. Передо мной «Бенц» громыкает, как какой-то монстр в кошмарном сне. Двигатель бронетранспортера, который качается из стороны в сторону, ревет. Машина растет, растет и растет...

Они проходят над нами.

Некоторые из парней, несомненно, погибли.

Но трусов нет.

Так мы учимся мужеству – с риском для жизни.

Нам сказали, что мы не будем учиться в Мариенбурге (современный Мальборк в Польше. В прошлом (с 1309 по 1456 г.) был столицей Тевтонского ордена. – *Ред.*).

Первоначальный замысел заключался в том, что на следующем этапе мы переедем в Мариенбург для инструктажа по широким политическим, экономическим и стратегическим проблемам, порожденным соседними территориями Польши и Белоруссии (Белорусской ССР в составе СССР. – *Ред.*).

Возможно, отмена занятий как-то связана с подписанием нами пакта с СССР.

Лишь «коричневые рыцари» из Зонтхофена будут заканчивать обучение в Восточной Пруссии. Таким скромным «слушателям», как мы, остается трудовая повинность.

И это не очень приятная мысль.

Месяц назад мы начали новый курс занятий по биологии и органической химии, с факультативным изучением патологии и анатомии.

На экспериментах на морских свинках нам показывают действие различных видов отравляющих веществ и их поражающий эффект.

Мы узнаем также об опасном воздействии выхлопных газов. Наблюдали за собакой, помещенной в стеклянный контейнер, который соединяется с выхлопной трубой автомобильного двигателя. Она сдохла в течение нескольких минут.

Мы видели эксперименты с различными барбитуратами, металлоидами, веществами паралитического действия и другими милыми ингредиентами, предназначенными для уничтожения ближнего.

Одна вещь нас особенно поразила. Речь идет о том, с какой легкостью убивает обычный пузырек воздуха. Инъекция в вену нескольких кубических сантиметров воздуха быстро отправила другого пса в собачий рай.

Сейчас для нас больше не является секретом, что внутрисердечная инъекция бензола, фенола, бензина или скипидара обладает замечательным свойством отправления живого существа на тот свет.

Странно, что они внедряют в нас всю эту информацию. Но я все же предпочитаю биологическую химию урокам анатомии, которые мы посещаем.

Трупы доставляются санитарной машиной из морга Брегенца (город на берегу Боденского озера. – *Ред.*).

Группами по шесть человек нас приводят в комнаты лазарета, которые временно отводят под кабинеты вскрытия трупов.

Пройдет много времени, прежде чем я забуду это мерзкое зрелище. Два мертвых тела, женщины и мужчины, лежали на столах, поставленных рядом.

Женщине было около пятидесяти лет, мужчина выглядел совсем молодым. Лежавшие в луже крови, они были вскрыты от подбородков до лобков. Их внутренности вылезли наружу. От трупов исходил отвратительный запах.

Профессор, молодой врач-эсэсовец, вероятно привыкший к такого рода вещам, весело погрузил руки в резиновых перчатках в этот несусветный ужас, перечисляя названия различных органов, один за другим.

Франц, стоявший рядом со мной, почувствовал дурноту, его пришлось вывести наружу. Другой парень упал в обморок там, где стоял, в полуметре от трупов.

Молодой врач просвещал нас во всех подробностях. Он ловко вскрывал ножом мужские и женские репродуктивные органы. Скрежещущий звук ножниц, разрезающих лобковые сращения, производил омерзительное впечатление. Просто потому, что мы не привыкли к этому.

Резкими движениями врач произвел сечения ноги трупа, и нас заставили поставить кровоостанавливающие зажимы на артерии. В случае сильного кровотечения процедура гораздо эффективнее простого наложения жгута, который, как объяснял нам инструктор, неудобен тем, что сдерживает и даже останавливает кровоток в конечности.

Этим все не кончилось. Врач-эсэсовец заставил нас снова прикоснуться к телам. Нам пришлось демонстрировать свои способности делать внутривенные инъекции.

Рука женщины дряблая, вялая и очень холодная. Не знаю, проходила ли игла в вену или застревала в побуревшей плоти. Знаю только, что впоследствии я потратил добрых полчаса, чтобы отмыть руки. В моем воображении все, к чему я прикасался, смердело и ощущалось как труп.

Зима. 1940 год. На Западе война. Или, точнее, она еще не началась.

Англия и Франция, в безумном стремлении нас уничтожить с целью помочь «бедной Польше», терпеливо ожидают своего часа за линией Мажино.

Что касается Польши, то она некоторое время не упоминается.

Празднование 30 января, годовщины прихода нацистов к власти, в этом году было особенно торжественным.

Нам предоставили честь пройти парадным шагом перед фюрером в Мюнхене.

Весь город украсили флагами. Шагая гусиным шагом, мы прошли мимо трибуны, где рядом с канцлером сидели Герман Геринг, Геббельс, адмиралы Редер, Дёниц и несколько генералов, имен которых я не знаю.

Оркестр люфтваффе выстроился рядом с импозантной группой руководителей рейха, принимающей парад, и играл гимн «Хорста Весселя». Мы присоединились к пению, перед тем как пройти перед трибуной.

Весна. 1940 год. Несколько дней назад я явился в госпиталь.

Меня послал туда старший офицер медицинской службы, которого я встретил, когда первый раз прибыл в замок. Я вошел и остановился в ожидании.

Врач привел в порядок бумаги, разбросанные на столе, и встал.

– У меня к вам два вопроса, Нойман. Весьма важных вопроса.

Казалось, он колебался. Черты его лица выражали расположение и доброжелательность, но глаза были строги.

– Мы навели справки о вашей родословной. Вашей лично и семьи. Поздравляю. Вы истинный ариец. Мы проследили вашу родословную до XVIII столетия и убедились в том, что ваши предки чистокровные немцы.

Он прошелся вокруг стола и жестом предложил мне сесть в кресло. Я подчинился, несколько удивленный. Офицер подошел к шкафу с папками, порылся в них и наконец вытащил карточку.

– Между прочим, анализ крови показывает, что у вас вторая группа крови, – продолжил он, поворачиваясь ко мне. – Это чистая нордическая группа.

Он снова сел за стол, рассеянно играя карточкой из картотеки.

– Вы знаете, конечно, что существует несколько групп крови, Нойман, главные из них – вторая (А), третья (В) и первая (О). У людей, имеющих группу АВ, часто содержится еврейская кровь в венах. Группа О часто ошибочно считается универсальной группой крови, поскольку она может переливаться людям с любой группой крови.

О чем он? Не собирается ли он использовать меня в качестве подопытной свинки в экспериментах по переливанию крови?

Офицер медицинской службы уставился взглядом в какую-то точку над моей головой.

– Вы, вероятно, знаете основные положения генетики, Нойман... Понимаете, что большинство человеческих особенностей, наряду с дефектами и изъянами, передаются каждому поколению посредством микроскопических элементов, называемых хромосомами в ядра клеток. Эти хромосомы или даже части хромосом и определяют, будет ли ребенок иметь папины голубые глаза, мамин рот или другие черты своих прародителей.

Его взгляд переместился на меня.

– Доказано, что несколько поколений могут сохранить и сохраняют те же способности – в искусстве, науке и т. д. Бах – продолжатель нескольких поколений музыкантов. Штраус, Бетховен, Рихард Вагнер также происходили из семей музыкантов. В другой сфере – династия Круппов, например, всегда одаривала Германию изобретателями и техническими гениями... Примеры многочисленны, и было бы утомительно приводить их далее.

Давая пояснения, офицер наблюдал за мной через свои очки без оправы. Его пронизывающий взгляд, казалось, оценивал мою понятливость, мой уровень интеллекта. Но он мог бы не утруждать себя этим предисловием.

Я все понимал.

Он сел и потер руки.

– С учетом этих фактов легко понять, что два расово чистых существа, с не смешанной арийской кровью, имеют все шансы произвести на свет ребенка, обладающего их характеристиками и здоровыми свойствами или, во всяком случае, изрядную долю этих свойств. В течение последних нескольких лет эти принципы получили практическое применение в выращивании чистокровных животных. На конных заводах обнаружено, что кобылица чистой родословной, спаренная с самцом-производителем тоже чистокровного происхожде-

ния, в девяти случаях из десяти дает чистокровное потомство. Это ключевое понятие. Чистокровность! Понимаете, вполне естественно поощрять производство совершенных видов животных. Чистокровность радует всех. Но люди в ужасе воздевают руки кверху при мысли о применении того же принципа к человеческим существам. Почему? Разве то, что справедливо для животных, не должно быть справедливым и для людей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.